Ловушка для личного секретаря

Автор:
Вера Чиркова

Ловушка для личного секретаря

Вера Андреевна Чиркова

Личный секретарь #2

Можно ли молодой и энергичной сеньорите прожить в окружении сногсшибательных молодых сеньоров и ни в кого из них не влюбиться? Увы, совершенно невозможно. Особенно если в длительном путешествии по Леодии приходится дни и ночи проводить в тесном общении с этими сеньорами. И не было бы в этом ничего странного или страшного, если бы не менялась от любви, разгораясь незнакомым, жарким светом, аура сеньориты. А именно этого ей допустить ни в коем случае нельзя.

Сумеет ли Илли выпутаться из ловушки, в которую загнали ее обстоятельства и чувства, и не потерять любимого?

Вера Чиркова

Ловушка для личного секретаря

Глава 1

– Ты решила ехать со мной во дворец?! – принц смотрел на своего личного секретаря неверяще, как на объявившегося среди белого дня призрака. – Неужели тебе не понравилось в эльфийском лесу?

– Понравилось. Очень. Но такая жизнь не для меня. – Девушка тайком вздохнула и призналась: – Хотя пришлось помучиться с выбором… из-за тебя.

– Как это, поясни? – насторожился Кандирд.

– Видишь ли… если ты вспомнишь наш первый разговор, то для тебя не будет новостью, что выходить замуж или полюбить кого-то в настоящий момент я не намерена. И это не каприз… и не клятва возлюбленному… у меня вообще никогда не было никаких возлюбленных. Это обещание я дала очень хорошим людям ради их счастья и моего собственного. И я охотно объясню все тебе первому… как только будет можно, а до того времени постарайся относиться ко мне просто как к другу. Мне и так будет очень нелегко.

Принц молчал несколько минут, мрачнея и хмурясь, затем огорченно вздохнул и грустно произнес:

– Я очень благодарен… что ты сказала все так честно… и больше ни слова не скажу о своих чувствах, пока ты мне не разрешишь. Но можно хотя бы узнать… сколько времени нужно ждать?

– Год… или чуть больше, я точно не знаю, и сосчитать не могу… это та область, в которой у меня нет познаний. – Говоря о своих бедах, Илли почему-то почувствовала себя чуть ли не преступницей и поспешила перевести разговор на более приятную тему: – Так когда мы выезжаем?

– Утром. У меня нет ни малейшего желания оставаться тут дольше. Давай я провожу тебя в твою спальню, тебе нужно хорошенько отдохнуть. А у меня еще есть дела.

– Да… ее величество упомянула, что ты должен ей отдать какую-то вещицу, – подтвердила Иллира, поднимаясь с кресла.

Отказываться от сопровождения принца она не стала, отлично понимая: теперь его высочество, напуганный ночным происшествием, пока не успокоится, некоторое время будет дуть на воду. И дальнейшие действия принца наглядно подтвердили ее подозрения.

Доведя девушку до комнаты, которую указал им Дигон, Кандирд решительно прошел внутрь, проверил окна, заглянул в гардеробную, не обратив никакого внимания на ехидное замечание телохранителя, что никаких эльфов он тут не прячет. И только после всего этого позволил Илли войти в спальню.

– Запрись и спокойно отдыхай, у двери я поставлю одного из людей Гарстена.

– Спокойной ночи, – кротко кивнула девушка, дождалась, пока принц выйдет, облив ее краткой нежностью серьезных глаз, и, стараясь не захихикать над этим приступом господской паранойи, преувеличенно громко щелкнула засовом.

Похоже, если он не оттает до приезда во дворец, порядки там сильно изменятся.

Вернувшись в гостиную, Кандирд обнаружил, что тут уже идет совещание. Королева, напрочь забыв про подушки и плед, сидела за столом с самым серьезным и деловым видом, а напротив нее расположились такие же серьезные Бенгальд и магистр Транбиус.

– Матушка, я должен вернуть тебе одну вещь. – Пальцы принца скользнули за ворот рубахи, и ее величество только теперь заметила, что оба сына одеты в свои собственные костюмы.

«Значит, возвращаться в пресветлый лес они не намерены, – вздохнула королева с сожалением. – Обидно, столько чудес еще не успели повидать, и вряд ли еще когда-то им выпадет такой случай. А у них вовсе не так уж много праздников и радостей в жизни. Это только несведущим и наивным селянам, а особенно селянкам, кажется, что жизнь принцев состоит из балов, приемов, флирта и прогулок. А на самом деле это сплошные ограничения, дружба только с многократно проверенными людьми, неустанный контроль и бесконечные проверки всех и всего, ежедневные тренировки, нескончаемые дела и заботы, обязанности и нудные правила этикета».

– Оставь пока у себя, – спешно остановила сына ее величество, – сейчас тебе это нужнее.

– Ты еще сомневаешься в Илли?! – холодно сузив глаза, напрямик спросил Канд.

– Нет, – так же твердо ответила королева, прямо глядя в глаза сыну, – в ней не сомневаюсь, она не лжет. Даже в мелочах. И не смотри так подозрительно на магистра: да, он на самом деле был за тем портретом и проверял ее слова. И теперь уверен, что девушка действительно хранит какую-то серьезную тайну… Продолжай, Транбиус.

– Как я уже сказал, – строго оглядел королевскую семью магистр, – если не видишь сеньориту, а слушаешь со стороны, начинает казаться, что она старше своих лет. Так тонко она обходит все разговоры о ее детстве и родителях. И это не может быть случайностью или качеством ее собственного характера… девочку явно учили, как отвечать, и не просто учили, а настойчиво и целеустремленно. И все время проверяли и экзаменовали. На некоторые вопросы, о которых девушки ее возраста склонны не говорить или приукрашивать действительность, она отвечает не задумавшись ни на минуту, и при этом чистую правду, а другие так же быстро и умело превращает в шутку или сворачивает в другую сторону. Например, на вопрос ее величества, какие игрушки она любила в детстве, Илли засмеялась и сказала, что красивые. Можно понять, что у сироты не было особо дорогих игрушек, но конкретного ответа она так и не дала. И по этому поводу есть очень интересное письмо настоятельницы монастыря, которую я попросил припомнить все самые незначительные мелочи такого характера. Оказывается, в тринадцать лет, после болезни, во время которой девочка потеряла дар, она раздала все свои игрушки подругам и больше с ними никогда не играла. А большую часть дня проводила с наставницей за чтением различных, несомненно полезных, но вряд ли интересных для такой юной девочки, книг по экономике, географии, истории и прочим серьезным вопросам. И это говорит нам, что наставница была в курсе ее тайны. Есть и еще никем до сих пор не замеченные странности в поведении усопшей сестры… да и в ее гибели. Я сам не обратил бы внимания… если бы не изучал пристально и никогда не знал Апраксию, но я был с ней когда-то отлично знаком. Это была сеньора с железным характером и бесконечной преданностью мужу… да, они были тайно женаты. И после его гибели никто не смог тронуть ее сердце и заставить вернуться к прошлой жизни… она даже все вещи оставила сестре. А вот незадолго перед смертью купила в лавке новое платье… его не нашли в ее вещах. Эту историю я собираюсь проверить лично… поэтому пока не

рассказываю вам подробностей… но хочу предупредить: девушку нужно охранять… если она для вас что-то значит.

– Все! – коротко бросил принц и жестко прищурился. – Я и так собирался ее охранять… а теперь утрою эти меры.

Королева и Бенгальд коротко и понимающе переглянусь, и его высочество сообщил:

– Я пришлю командиру стражи Бредвила дополнительный отряд… помогать искать остатки недавно напавших на вас бандитов. Пусть Гарстен выберет оттуда всех, кого захочет. Матушка… думаю, мне больше нет смысла возвращаться к Канду, поэтому не выезжайте без меня.

– Хорошо… тогда давайте укладываться спать, а утром решим все остальные вопросы… мне кажется, что к тому времени они у вас появятся, – решительно поднялась с дивана королева, абсолютно уверенная в своей правоте.

Почему-то наутро иногда всплывают такие проблемы, о которых с вечера и не подозреваешь.

И она оказалась права, впрочем как и обычно. Утром, едва успев умыться и надеть дорожное платье, ее величество обнаружила в своей гостиной ехидно ухмыляющуюся физиономию Бенгальда.

– Там внизу делегация эльфов. Сразу предупреждаю: я в свой дворец приглашать смесок не намерен.

– А я тебя не спрашиваю, намерен ты или нет, – буркнула недовольно королева, однако, проходя мимо, приподнялась на цыпочки и чмокнула третьего принца в подставленную щеку. – Доброе утро, рыжик. А в твоем дворце скоро волки по ночам выть будут. Всех разогнал. И сам не живешь, все время у Найвины.

– Матушка! – возмущенно закатил глаза Бенг. – Я уже пятнадцать лет как шатен, шкодливые крысы из дворца разбежались еще пять лет назад, а Найвину не видел почти месяц!

– Тогда тебе нужно ехать к ней, девушка же волнуется небось, – вздохнула ее величество и вышла из своих покоев.

Эльфов возглавлял незнакомый королеве анлер, судя по цвету одеяния – магистр. В ожидании хозяйки он вполголоса обсуждал что-то с Транбиусом и демонстрировал разноцветные шарики, возникающие из ниоткуда.

– Ее величество Интария Леодийская, – веско объявил Дигон, и эльф тотчас поднялся с кресла.

– Ваше величество, я пришел принести свои извинения за те недоразумения, что произошли с вашими подданными по вине одной из дочерей леса. Заверяю вас, что она будет наказана, но если вы имеете какие-нибудь претензии…

– Никаких, – твердо объявила королева. – По счастливой случайности никто из моих детей и приближенных не пострадал, так что я вполне удовольствуюсь тем наказанием, каковое сочтет необходимым применить к злоумышленникам верховный анлер. Единственный вопрос… как чувствует себя девушка, которая случайно оказалась на пути преступников?

– О, с ней все в порядке, его высочество появился как раз вовремя. – В голосе мага скользнула тонкая ирония, но настолько малозаметная, что ее величество сочла возможным пропустить ее мимо ушей. – Но о ней особый разговор. Сетлина просит разрешения увидеть сеньориту Иллиру.

– Дигон, пригласи сеньориту секретаря, – немедленно отдала распоряжение ее величество и села в кресло. – Садитесь, анлер…

– Магистр Натнисиэнь, – вежливо склонил голову эльф и изящно опустился в кресло. – Также я уполномочен сообщить вам, что первая партия зелий и целебных трав упакована и в течение часа будет доставлена в этот дом. Насколько мне известно, вы уезжаете? Значит, сможете забрать корзины с собой. А вот это подарки вам и сеньорите Иллире от анлера Лаонтениэлля.

Два саквояжа из зеленовато-желтой кожи стояли на маленьком столике в углу, интригуя своими раздутыми боками.

– Что произошло? – Его младшее высочество, одетый в дорожный костюм и сапоги для верховой езды, появился в гостиной вместе со слегка озадаченной Илли.

– Магистр Натнисиэнь принес извинения за ночной инцидент, подарок от верховного анлера для меня и сеньориты Иллиры и сообщил, что первую партию снадобий мы получим в течение часа, – говорила ее величество со слегка преувеличенной учтивостью, мстя эльфу за его насмешку. – А еще с ним пришла сеньорита Сетлина… она желает поговорить с сеньоритой Иллирой.

Илли заметила свою лесную подругу, едва вошла в комнату, и сразу послала ей ободряющий взгляд, а услышав объяснение королевы, решительно высвободила ладошку из-под крепко прижимающего ее локтя принца и направилась к девушке.

– Доброе утро, сеньоры. Сетлина… прости, из-за меня ты попала в такое неприятное положение…

– Да что ты, я же на восьмую долю эльфийка… должна была понять, что в нектаре приворотное зелье, – изумленно уставилась на сеньориту девушка и вспомнила, что она уже не в лесу и тут действуют иные правила. – Ой, вы… я хотела сказать, сеньорита Иллира… я пришла спросить… вы меня приглашали… это было не в шутку?!

– А мы сейчас узнаем, – подмигнула ей Илли и повернулась к Кандирду: – Ваше высочество, вы не против, если моя подруга погостит в вашем дворце?

За два дня, что прожила в эльфийском лесу, сеньорита успела понять, что приставленная к ней смеска отличается ровным и бесхитростным характером и никаких проблем определенно не создаст.

– Разумеется, он не против. – Ее величество мгновенно разгадала, что таким образом верховный анлер пытается исправить их рухнувшие планы. – И я тоже буду рада увидеть вас, сеньорита Сетлина, у себя во дворце, на балу по поводу победы.

– Конечно, я рад буду видеть сеньориту своей гостьей. – Под настойчивым взглядом матери и просящим Илли принц вынужден был сдаться. – Вы готовы

отправиться немедленно? Мы выезжаем после завтрака.

– Да, – кротко сообщил эльфийский маг, – на всякий случай сеньорита Сетлина взяла свой багаж. Наши коляски и воины будут сопровождать вас до Терста. В Терсте возчики купят лошадей, и одна из колясок отправится с вами, остальные вернутся. Если сопровождающие нужны и дальше, можно решить этот вопрос прямо сейчас.

– Не нужно, у его высочества достаточно воинов, – отказалась королева, – и лошадей достаточно, пусть ваши воины не беспокоятся. А сейчас прошу извинить… мы спешим. Последний вопрос: как пользоваться вашими подарками?

Глава 2

Меньше чем через час Илли уже сидела в своей карете в полном одиночестве и провожала взглядом проплывающие мимо зеленые дома пограничного городка. Вторую карету, вместе с ее служанкой, Седриком и несколькими стражниками, его высочество оставил в Терсте, куда они должны были добраться лишь к ужину.

Настроение у Иллиры было слегка тревожным, почти так же она чувствовала себя, переезжая из приюта на жительство к тетушке. Вроде не было в этом ничего ужасного, тетушка приезжала на нее посмотреть и впечатления особой злодейки не произвела, а в сердце плескалась зеленая тоска. Вот и Кандирд насторожил сегодня с утра девушку своим необычным поведением, на миг у сеньориты даже возникло впечатление, что она теперь не секретарь и не финансист, а особо ценная шпионка, которую нужно охранять как можно бдительнее. Да и стражники, скакавшие по обе стороны от кареты с самыми серьезными рожами, напрочь отбивали всякое желание радоваться жизни и любоваться окрестной природой.

И сам принц, неотступно державшийся в нескольких шагах позади кареты и не выразивший никакого видимого желания ехать вместе с нею, казался бесчувственным незнакомцем, незаметно подменившим привычного уже, покладистого и добродушного Канда.

От безделья девушка пару раз открыла и закрыла уэллин, пока еще слабо веря, что ей и вправду принадлежит теперь такая замечательная вещь, нехотя сжевала несколько плодов конфетного дерева и запила чаем из фляжки, и вдруг отчетливо поняла, что взвоет от тоски, если немедленно не займется делом. Отставила в сторону уэллин, решительно достала из старого саквояжа дорожный блокнот и принялась составлять список дел, которыми нужно заняться сразу по прибытии во дворец.

Примерно через час карета приостановилась на минуту, и в дверцу деликатно заглянул Бунзон:

– Я не помешаю?

– Нет, не помешаете, сеньор Бунзон, места много. Накатались уже?

– Вполне. А чем вы занимаетесь, сеньорита?

– Пишу себе план дел, за время поездок у меня накопилась дома куча работы. Кстати, а вы не знаете, что хорошо растет в этих местах? Ну, на чем крестьяне зарабатывают больше всего?

– Пресвятые духи, сеньорита! А вам это зачем?

– У меня теперь есть поместье… недалеко от Бредвила. Я намерена изучить специфику этого края, вы ведь знаете, что те культуры, которые растут в одних местах, не могут расти в других? Одним нужно тепло и сухой ветерок, другим – влажная жара, третьи могут расти только в очень плодородной почве… я хочу составить карту своих земель и выяснить, как получать больше прибыли.

– Тогда я вам дам очень простой совет: поговорите с сеньором Дортилли. До того момента, как поступить на службу во дворец, он был управляющим поместьем у своего старшего брата, и когда поспорил с ним из-за какого-то хозяйственного вопроса, тот попросту указал ему на дверь. Потом опомнился, прибежал просить прощения, но королева уже успела передать Дортилли предложение, и он переехал во дворец.

– Как интересно… А объясните мне: это совпадение или специально все важные места при Кандирде занимают самые младшие сыновья знатных домов?

– Когда тебе в компоте попадется одна вишневая косточка, это может быть случайность, – как бы про себя пробормотал лекарь. – Когда две – небрежность, а когда пять – налицо саботаж кухарки.

– Понятно. Значит… ее величество считает, что пятый сын скорее поймет четвертого, чем первого?! В этом что-то есть, я подумаю.

– Знатный род ле Делмаро уже полторы тысячи лет держит в своих руках королевскую власть, и за это время случалось всякое. Были бунты и заговоры, ссоры между братьями и покушения на родителей. Но в этой семье есть одно очень ценное правило – они из всего делают выводы и стараются не допускать подобных ситуаций. Это целая наука, и учат ей постепенно, чтоб наследник не просто выучил, а прочувствовал. Я знаю все это довольно подробно, никто из королевской семьи не делает из такого метода особой тайны. И что самое смешное – вот это самый действенный способ заставить всех остальных ничего не замечать.

– А прочесть это можно всем?

– Ну, про всех не знаю, но в библиотеке его высочества должны быть все двадцать томов.

– Вы меня утешили. А то я уже расстраивалась, что буду скучать долгими зимними вечерами без тетушкиных рваных чулок. Спасибо про совет насчет мажордома, он мне показался очень умным человеком… а если он еще и знаком с секретами земледелия, я постараюсь найти способ с ним подружиться.

– Вам это и так нетрудно… особенно после того, как эльфы выдали вам пропуск в свой лес. Кстати… можно маленький совет?

– Бунзон, я давно считаю вас своим другом… поэтому, пожалуйста, больше никогда не задавайте этот вопрос, а просто сразу давайте совет, какой считаете нужным.

– Его высочество отдал вам колечко, которое передали эльфы?

– Мне его отдал Транбиус… и велел надеть на палец, но я никогда не носила кольца, и оно мне мешает. Нужно снимать, когда умываешься, можно потерять или забыть…

– Это неправильный поступок. Это кольцо не боится ни воды, ни мыла и не соскользнет с пальца само. Его даже без разрешения никто снять не сможет, а со временем и замечать перестанут. Поэтому советую надеть и не снимать.

– Бунзон… – Девушка казалась лекарю чем-то расстроенной. – Вы же маг? И видите ауру людей? Скажите, оно может изменить как-то мою… ауру, мне не хочется, чтоб она стала другой.

– Нет. Оно не коснется вашей ауры, все эльфийские вещи очень деликатны на этот счет, – успокоил сеньориту лекарь, с досадой поминая недобрым словом Транбиуса, не догадавшегося самому предложить сеньорите надеть колечко. Вот и сделал бы четкий вывод: девушка боится, что ее найдут по ауре или, наоборот, что не найдут. И всего-то два вывода вместо двух десятков, которые успел придумать этот хитроумный магистр.

К вечеру, когда на горизонте показались силуэты стоящего на холме Терста, Иллира окончательно уверилась, что его высочество намерен отныне вести себя с ней совершенно по-иному, чем прежде. Он встречал ее на привалах, подавал руку и отводил в расставленный выехавшим вперед дозором эльфийский шатер, сидел рядом за столом и подкладывал на тарелку еду, следя, чтоб сеньорита хорошо поела. И вежливо разговаривал на те темы, на какие обычно беседуют случайно оказавшиеся на одном корабле путешественники. О погоде, о городе, где они остановятся на ночлег, о вкусе прихваченных с собой блюд.

Сетлина тоже обедала с ними, получая такие же вежливые знаки внимания, а вот Ингирда и Гарстена девушка видела за весь день всего несколько раз, и то мельком: у них были какие-то важные задания, не позволяющие друзьям пообедать вместе с сеньоритой.

Рассуждая здраво, Иллира не могла не признать, что, с одной стороны, это вполне нормальные отношения между господином и секретарем, ну если не

брать во внимание тот факт, что о делах с таким отстраненно-вежливым принцем поговорить ей пока не удалось. Он мягко, но уверенно напоминал, что ей нужно отдохнуть, а делами заняться, когда она окажется на своем рабочем месте и у нее будут под руками все бумаги.

Но, с другой стороны, девушка все яснее осознавала, что если в такой обстановке ей придется прожить целый год или больше, то это время покажется ей намного более томительным, чем в доме тетушки.

А сильнее всего задевало сеньориту то несомненное обстоятельство, что принц, по-видимому, всерьез вознамерился и близко не подпускать к ней баронета и капитана. Вот это уже переходило все границы. Сам он может вести себя как хочет – в конце концов, никто не вправе заставлять другого человека обходиться с собой так, как он не желает. Но вот диктовать ей, как общаться с друзьями, он не имеет права. Хотя выяснить для начала, что думают по этому поводу сами друзья, все же не помешает. И займется она этим вопросом сегодня же вечером, как только они прибудут в Терст и остановятся на ночлег.

Там им предстоит ночевать в новом здании мэрии, которое, как объяснил Иллире Бунзон, в виде эксперимента и ради экономии было решено построить многоцелевым. Сделать на первом этаже приемные и кабинеты мэра, начальника стражи и канцелярию, а на втором этаже – жилые помещения для чиновников и гостиные комнаты для тех, кто приезжает в город по поручению принца или кого-то из членов королевской семьи.

Судя по объяснениям лекаря, вечером там должно быть довольно пустынно, и Илли надеялась, что сумеет найти место, чтоб поговорить с одним из неуловимых друзей. Само собой, для этого его нужно сначала выловить, но девушка задумала маленькую хитрость, которая должна была сработать, и теперь с нетерпением всматривалась в ярко раскрашенные в цвета заката пышные облака на быстро темнеющем небе. Похоже, ночью будет гроза.

Гроза стряслась намного раньше, и первые признаки ее приближения все почувствовали, когда на въезде в город отряд встретил Седрик.

Радостно улыбаясь, похлопал по плечам друзей, бесцеремонно приобнял на секунду плечики сеньориты секретаря и поцеловал ее пальчики, не замечая туго

натянувшейся кожи на скулах господина. И сообщил, что живут они неподалеку от ворот, в доме старосты гончаров, так как в мэрии еще не закончено устройство умывальных и вообще пока живет семья мэра, потому что его собственный дом нуждается в срочном ремонте.

Телохранитель рассказал все это самым легкомысленным тоном, словно призывая принца и друзей не обращать внимания на такие мелочи, но его беспечная улыбка вызвала совершенно противоположный желаемому результат. Позже Илли додумалась, что сработал сразу целый букет отрицательных эмоций: усталость от целого дня пути, вынужденно проведенного практически в одиночку, раздражение на мэра за разрушенные планы, копившееся целый день напряжение… и многое другое, о чем она не подумала, когда бросила язвительную фразу:

– Как это «не построены умывальни», если в отчете указано, что на подведение воды из горячих источников и установку двойного насоса потрачено десять тысяч золотых и все работы закончены?

– Откуда ты знаешь? – произнес привычную фразу его высочество и сразу стиснул зубы.

– Отчет изучала, у меня на цифры отличная память. Еще там построены конюшни на двадцать лошадей и закуплена мебель для гостевых комнат на восемь тысяч, – с достоинством отчеканила сеньорита. – А если учесть, что мои покои обставили за двести пятьдесят золотых, тут должно быть очень уютно.

– Сейчас проверим, – зловеще пообещал Кандирд, похоже, тоже искавший только повод, чтобы выплеснуть бурлящее в груди непонятное недовольство собой, окружающими и всем миром за свалившуюся на него несправедливость.

Столько лет считать, что его сердце не подвержено странной болезни под названием «любовь», и хранить незыблемую уверенность, что, когда придет пора, он без сомнений и непокорности возьмет незнакомую пока принцессу за ручку и наденет на нее семейный браслет! И в один миг понять, что никогда он не совершит такой идиотской глупости и не станет портить жизнь ни себе, ни не в чем не повинной девушке. Пусть она идет по жизни своей дорогой и ищет свою любовь, а он свою уже нашел и не собирается ни отступать, ни кому-то уступать. Вот только ухаживать за ней, носить на руках, смотреть в милые глаза и не

отходить от нее даже на шаг тоже пока не имеет никакого права… и неизвестно, получит ли его когда-нибудь. И это обстоятельство заставляет вскипать в душе вулканы оскорбленного самолюбия и горького разочарования. Совсем не так он представлял себе свое будущее, но не видел пока никакого способа исправить создавшееся положение.

– К мэрии! – рявкнул принц, и этот рык прозвучал как призыв идти на приступ вражеской крепости, а не здания, построенного на средства из собственной казны.

– Сейчас накрошим дровишек, – с досадой пробормотал себе под нос Бунзон. – В ауре его высочества черные змеи вьются.

– Пресветлые духи, – расстроенно выдохнула Илли. – Нужно же что-то делать! Бунзон, миленький, но вы же понимаете, что он не должен сначала карать, а потом проверять?! Сделайте хоть что-нибудь, намекните Ингирду, Гарстену – необходимо, чтоб я сначала документы получила и проверила! А Канд вообще пусть немного посидит в карете!

– Уговорить не получится, – почти тотчас с досадой объявил лекарь. – Нужно хитростью. Можете сыграть обморок?

– Не пробовала, но постараюсь. Падать?

– Сначала позову.

Однако Илли не стала ждать, пока он начнет звать, откинулась на спинку и закрыла глаза. Нужно же войти в роль!

– Ингирд! Зови принца! Илли в обморок упала! – высунул в оконце голову лекарь, быстро пересел на переднее сиденье и тише добавил: – Так, голову набок и свободнее, чтоб болталась, губы приоткрыть, руки повисли… сойдет.

– Стой! – Карета не успела встать, а дверка уже с треском распахнулась, и его высочество прямо с коня нырнул внутрь. – Что с ней?! Как ты просмотрел? За что я тебе жалованье плачу? Ну что ты сидишь как истукан, Бунзон, делай хоть что-нибудь!

От отчаяния принц готов был растерзать верного лекаря на клочки.

– Я уже дал ей понюхать эльфийскую мяту, через несколько секунд сеньорита придет в себя, – с наигранной обидой проворчал лекарь. – А позвал ваше высочество потому, что это из-за вас она в таком состоянии!

– Как из-за меня? – не поверил принц. – Я за весь день ей ни одного слова невежливого не сказал!

– Ну да, – едко фыркнул заглядывающий в дверь баронет, – обращался бесчувственно, как с эльфийкой, которую навязали в нагрузку к уэллину со сладостями.

– Это не твое дело! И вообще, закрой дверь!

– Она мой друг, а дружба – это не только распитие чаев и игра в шашки, – упрямо сообщил баронет. – Так что там насчет обморока, Бунзон?

– Сеньорита только успела сказать, что нужно сначала потребовать отчеты и проверить, а потом уже наказывать мэра… – веско сообщил лекарь и шикнул на попытавшегося открыть рот принца. – Т-сс, она приходит в себя…

«Пора», – поняла этот намек Илли, приоткрыла глаза и жалобно простонала:

– Что произошло… Бунзон?

– Вы упали в обморок.

– Не может быть… я никогда не падаю… что?! А Кандирд уже напал на мэрию? Бунзон… остановите! Ради светлых духов! Он же себе репутацию таким налетом испортит!

– Я тут… – хмуро отозвался сидевший рядом с ней принц, и Илли сделала вид, что только что это обнаружила.

– Ой! Слава пресветлым духам! Канд, он, конечно, жулик, но тебе нельзя вести себя так неосмотрительно… Давай придумаем план.

– Я – за, – сообщил Ингирд и втиснулся на сиденье рядом с лекарем. – Только не пугай нас так больше, птичка.

– Ты что… думаешь, я нарочно? Просто как представила… – Илли тяжело и искренне вздохнула: обманывать друзей было нестерпимо стыдно. – Знаете, мне кажется, нам следует сделать вид, что я приехала одна, с проверкой. А Канд пока посидит в карете. Но сначала как-то разберитесь с воинами… проверяющие финансисты не ездят такими отрядами.

– Я пошлю часть отряда вокруг, – деловито сообщил из дверцы голос капитана, – а сам надвину шляпу… меня не узнают. А как подъедем, возьмем под контроль всю охрану.

– Но сначала приставь двоих самых надежных людей к Илли, – с досадой сдаваясь под дружным напором друзей и голоса рассудка, строго приказал его высочество. – И будьте уверены: если кто-то из них попытается дерзить, сидеть тут я не буду.

Глава 3

«Попытаются», – отчетливо поняла сеньорита, едва карета остановилась возле красивой и надежной решетки, отгораживающей от улицы территорию, где расположилось новенькое двухэтажное каменное здание мэрии.

Несмотря на позднее время, все окна были ярко освещены и из них щедро выплескивался в вечерний полумрак громкий смех, звон бокалов и звуки той музыки, какой обычно знатные сеньоры услаждают свой слух во время пиров.

– Будь осторожна! – мрачно напутствовал принц сеньориту, пытаясь сообразить, и как это вышло, что он согласился отпустить ее одну… ну почти, в пасть к опасностям.

– Хорошо, – улыбнулась девушка так мило, что отпускать ее из кареты расхотелось совершенно, и Кандирду пришлось вцепиться руками в кожу сиденья и стиснуть зубы.

Дьявол. Похоже, этот год покажется ему вечностью… и нужно молить духов, чтобы он не растянулся дольше.

– Охрана! – сиплым голосом позвал один из стражников, двинувшихся к калитке вместе с сеньоритой, и подергал за цепочку.

Принц немного успокоился, узнав голос Ингирда. Молодец баронет… воспользовался тем, что его пропыленный походный костюм мало отличается от одежды стражи, натянул форменную шляпу и стоит теперь почти рядом с Илли, не спуская руки с рукоятки кинжала.

– Ну чего тебе?

– Нам нужен мэр! Сеньорита финансист приехала к нему по делу.

– Занят мэр, праздник у человека. А порядочные сеньориты по ночам не ездят.

– Но нам объяснили, что мы можем тут заночевать, в мэрии предусмотрены комнаты для посланников, – вежливо сообщила Илли, заметив, как с другой стороны на центральную площадь въезжает второй отряд в сопровождении так никуда и не уехавших эльфов.

– Нету тут сегодня места! – отрезал стражник, но рассмотрел несчастное личико юной сеньориты и невольно сжалился: – Езжайте лучше на рыночную площадь, там в гостинице есть места. А сюда придете с утра, да не рано… чтоб не ждать долго.

И опасливо оглянулся в сторону окон, за которыми грохнул особенно бурный взрыв смеха.

– Вот за последние слова ты останешься в стражниках, Мориш, – тихо и строго сообщил второй охранник Илли голосом Гарстена и сдвинул назад шляпу. – Ну, узнал? А теперь быстро открывай и рассказывай поточнее, сколько тут охранников, где стоят, кто до конца предан мэру.

Даже в полумраке стало видно, как побелело лицо охранника.

– У меня нет ключей, а на воротах стоит человек мэра. Сделайте вид, что уезжаете… в конце сада стена не достроена.

– Иди к дому, якобы спросить, кого-то из старших, – шепнул Моришу капитан и сделал шаг в сторону, закрывая собой Илли. – Иди в карету, Илли, тут сейчас будет весело.

– Эй, сеньоры! – высокомерно окликнул попутчиков звонкий эльфийский голос. – Как здесь найти мэра? Нам объяснили, что он нас встретит!

– Что тут за шум, Мориш? – презрительно осведомился квадратный детина, продравшийся сквозь кусты от ворот. – Ты всем объяснил по-человечески, что тут не кабак? И нечего ломиться, когда человек празднует.

– Но нас заверили, что здесь комнаты для гостей принца, – не унимался эльф, однако сеньорита, тихонько отступившая за карету, отлично видела, как блондины, словно не в силах справиться со своими нетерпеливыми лосями, постепенно рассеиваются вдоль решетки, стараясь пока держаться на безопасном расстоянии.

И Мориш тоже отлично понял этот маневр, резко развернулся и помчался к крыльцу, крикнув на бегу, что спросит у мэра.

Его квадратному начальнику явно не понравилось такое самоуправство, он повернулся в сторону убегающего стражника и даже крикнуть что-то попытался, но вдруг дернулся и молча осел на дорожку.

– Мориш, назад! – мигом остановил отход стражника Гарстен.

– Игла со снотворным, – эльф показал баронету маленький, словно игрушечный арбалет и подошел к калитке, которую торопливо отпирал все верно понявший охранник. – Где еще стража?

– В доме, сразу возле двери двое, и по саду четверо ходят вдоль стен. – Мориш оказался очень неглупым парнем.

Эльф кивнул своим спутникам, и трое блондинов проскользнули под распахнутыми окнами в сторону сада, а Гарстен отправил им в помощь еще троих и направился к крыльцу, захватив пару стражников и старого знакомца.

– Откроешь дверь и вызовешь их по одному на крыльцо, скажешь, командир велел.

Мориш только кивал, благодаря про себя всех светлых духов, что повернули его сегодня на верную дорожку.

– Илли… иди в карету. – Принц стоял рядом с сеньоритой, внимательно наблюдая за происходящим.

Теперь он был окончательно убежден, что друзья уберегли его от большой ошибки. Разумеется, мэрию они бы взяли… смешно не взять с таким отрядом, но сколько бы это стоило… ран, крови, побитых стекол… Нет, нужно внимательнее следить за своими вспышками ярости. Или зелья у Бунзона попросить?

– Их нужно будет разделить сразу, как захватят, чтоб не успели сговориться, мэра и начальника канцелярии, – и не собираясь никуда идти, задумчиво пробормотала сеньорита финансист, – чтоб не договорились, пока я смотрю отчеты и проверяю казну.

– Ингирд все это прекрасно знает, – мягко сообщил ей принц, – не переживай. А вот тебе лучше бы отдохнуть… а проверку начать утром.

– Я отлично себя чувствую, – упорная сеньорита не собиралась сдаваться – да она даже заснуть не сможет, пока не получит все бумажки. – А их денежки до утра могут испариться. А я мечтаю вернуть в казну украденное.

– Хорошо… – подавив вздох, сдался Кандирд. – Но я буду сидеть рядом, и сначала мы перекусим.

Допросы и проверка отчета затянулись за полночь. Давно уже были выдворены из мэрии возмущенные гости, требовавшие, чтоб им отдали вещи, оставшиеся в комнатах второго этажа, и музыканты, просившие оплату за работу.

– Со всеми вами завтра рассчитается бывший мэр, – холодно сообщил Ингирд. – Если у него останутся деньги, разумеется. А теперь отправляйтесь на рыночную площадь, устроитесь в гостинице.

Млата, за которой съездил Седрик, прибыла не одна, а со служанкой гончара, и они вдвоем быстро подготовили комнаты для принца, его свиты и Сетлины, но спать пока отправилась одна только квартеронка. Эльфы, коротко распрощавшись, сели на своих лосей и исчезли в ночной тьме, фонари в городе горели только на площади и возле мэрии.

А все остальные сеньоры были заняты подсчетом умывален, замером кабинетов и изучением планировки и все более приходили в ярость от вопиющей наглости мэра.

От утвержденного канцелярией принца плана в этом доме не осталось ровным счетом ничего.

Вместо кабинетов для чиновников были сооружены гостиные и просторный личный кабинет мэра, вместо приемной – танцевальный зал. Верхний этаж вообще вместо двадцати четырех гостевых спален получил шесть просторных двухкомнатных покоев и восемь спален поскромнее. Единственное, что совпадало с отчетом по счету – сооруженные умывальни, однако за счет того, что в элитных покоях были установлены дорогие фаянсовые ванны, в остальных были довольно скромные медные чаши. Однако на сооружении всего этого мэр сумел сэкономить кругленькую сумму, как неопровержимо доказала Иллира, откопавшая в столе мэра шкатулку со счетами от гончаров и медников.

Особенно развеселил Гарстена подвал, где, согласно отчету, было сооружено несколько камер для преступников. На самом деле там оказались пара неприютных чуланчиков и отличные погреба для вин и продуктов, забитые бочками, ящиками, ларями, корзинами, бутылями и кувшинами со всевозможным провиантом.

– Значит, брал с торговцев взятки натурой, – устало кивнула Илли, сверяя последние счета. – Все наглые мошенники отличаются мелочной жадностью: не важно, что в его собственном саду ветви ломятся от яблок, – обязательно возьмет бесплатно еще корзинку у приехавшей на рынок селянки. Ну вот, вкратце я все проверила, могу точно сказать: при постройке этого особняка мэр

положил в карман не меньше восемнадцати тысяч. Может, и немного больше, нужно утром выяснить, полностью он расплатился с гончарами за черепицу или нет.

– Отлично, тогда мы запираем мэра и начальника канцелярии в камерах, которые они так непредусмотрительно ужали в размерах, и пусть испытают на собственной шкуре это изобретение. А сами отправляемся отдыхать, утром нам их еще судить, – объявил принц, которого мэр, ошалевший от такого поворота судьбы, долго не желал признавать, обвиняя в самозванстве. – Седрик, если что, сразу буди.

Илли покорно спрятала все бумаги в массивный стол и заперла его на ключик, собираясь отдать его Ингирду, но заметила на маленьком столике планы дома, которые тоже намеревалась убрать. Собрала их и потянулась за ключом, но отчего-то остановилась и снова опустилась в кресло.

– Сеньорита финансист, – строго напомнил Кандирд, покосившись на мэра, с костюма которого один из стражников снимал ремень и шнурки, – оставьте все остальные подсчеты до утра.

– Это очень интересно… взгляни, вот лестница в подвал, вход на нее точно посреди здания из правого коридора. А внизу подвал в той стороне, где стоят продукты, на добрых три шага шире, чем камеры. Вопрос: почему они не сделали камеры до самого фундамента, ведь он уходит вглубь на пять локтей, а построили стенку? Или это неправильный замер?

– Это неправильный подземный ход, – мгновенно сообразил Ингирд, – который на всякий случай начинается в камере. Вот куда он вбухал остальные денежки… приготовил себе пути отхода.

– Или тем из бандитов, кто сможет хорошо заплатить, – добавил Гарстен. – А может, и тем, кто станет помогать исчезать богатым гостям?

– Да что за чушь вы несете! – заорал красный от выпитого вина и злости мэр. – Ничего я такого не знаю!

– Можно будет найти строителей, – деловито сообщила Илли, пряча планы в стол, – за приличную премию они все расскажут.

– Ах ты тварь продажная… – озверел мэр и внезапно, резко оттолкнув стоящего рядом с ним стражника, ринулся на наглую девицу в непотребной одежде, так просто выявившую все его замыслы.

Однако, не успев сделать и двух шагов, свалился возле стола коротко дернувшейся кучкой. А в следующий миг принц подхватил на руки ошеломленно вытаращившую глаза сеньориту и выскочил из кабинета.

– Ему нужно лекаря… – опомнилась Илли на середине лестницы.

– Не волнуйся, Инг позовет, – ответил он небрежно, отлично зная, что лекарю нечего делать, если человека пронзят сразу три кинжала, отправленные с разных сторон с одной-единственной целью. – Которые твои покои?

– Вот они, – дежурившая в коридоре Млата поспешно распахнула дверь.

– Получи свою госпожу и переночуй сегодня в ее покоях, – властно приказал Кандирд, ставя сеньориту в комнату, – она плохо себя чувствует. Я сейчас приставлю вам охранника.

И не успела Илли сказать хоть слово, как принц так же торопливо ушел в обратном направлении, оставив в ее душе растущее подозрение, что сейчас произошло что-то более серьезное, чем выявление обычного казнокрада.

Глава 4

Утром стало ясно, что сеньорита была совершенно права в своих подозрениях.

– А где Седрик? – спросила девушка за завтраком и получила ошеломивший ее ответ.

– Выехал с отрядом воинов в Хартецу. Пока мы тут закончим дела, они возьмут под стражу старосту и соберут все документы и отчеты в доме управы. А когда мы до них доберемся, ты сможешь сразу все проверить, – спокойно объявил

принц. – Мне совершенно не нравится, что, пока я мотался по лесам, защищая их обозы и дома от нападения бандитов, чиновники грели себе руки. И я намерен убрать всех, у кого они запачканы.

– Вряд ли мы их сейчас всех выявим, – засомневалась сеньорита финансист, скорее насторожим и они успеют попрятать концы. Мне сейчас интересно другое: как остальные принцы борются с казнокрадами? Вот, например, у нас в Вингоре правит наследник… мне кажется, наш мэр очень дорожит своим местом и не делает таких откровенных глупостей… как здешний. Кстати… как он себя чувствует?

– Он пытался ночью сбежать, напал на стражника и был убит, – коротко отчеканил баронет. – Но ты начала говорить про наследника… так вот, у него на территории расположен Туаринь, городок магов. У них там какой-то источник и древний подземный монастырь… в общем, насколько я знаю, Ангирольд берет с магов налоги не деньгами, а услугами. Например, магическими печатями, обручами проверки на честность… я даже всего точно не знаю. А эти области запустил прежний наместник… и теперь Канд постепенно наводит порядок. Но начать пришлось с бандитов, они сюда сбежались со всех соседних королевств: торговцы зельями, едущие в лес за товарами, везут при себе огромные суммы денег.

– А зачем эльфам деньги, ведь у них в лесу какие-то другие расчеты? – заинтересовалась Илли. – Сетлина, зачем вам деньги?

– Эльфы не разводят огня и не копают нор, – слегка напыщенно объявила квартеронка, вздохнула и добавила: – Но металлы нам нужны. Ножи, оружие, иглы, вазы, серебряная посуда, зеркала и украшения… торговцы привозят это издалека и берут большие деньги, потому что дороги опасны.

– Нужно подумать… – задумчиво вздохнула Иллира, поразмыслив немного. – Пока ничего в голову не приходит, но я не сомневаюсь, что выход есть. А сейчас давайте работать, я боюсь, что Седрик там запугает бедного старосту до полусмерти. И еще… вы нашли человека на должность мэра? Мне просто хотелось бы договориться с ним об отчетности.

– Пока мэром согласился стать староста гончаров, – хмуро сообщил Кандирд, – но только временно. Что-то нет тут желающих работать градоначальниками.

– Они есть, только боятся, – фыркнул баронет, – думают, что каждого ждет подобный конец. Ничего, как только вывесим указ с перечислением его провинностей, перестанут трястись. Гарстен уже нашел старшину каменщиков, оказывается, у них пропали двое рабочих, которых мэр посылал на какую-то особую работу. Но ему удалость доказать свою невиновность… семьям пришли из западных провинций письма и деньги, пропавшие якобы написали, что нашли срочный выгодный заказ в другом городе, вот и уехали так спешно.

– Мерзавец, – принц сердито скрипнул зубами, – никого не пожалел ради своих грязных планов, ни рабочих, ни их детей. Гарстен посылал на рассвете людей в его особняк, это недалеко. Жена и родичи успели собрать ценности и сбежать. Но Бунзон послал вестника в гарнизон Потрига, чтоб задержали. Этого городка им не миновать. Сироты погибших должны получить хорошее возмещение.

– Нужно еще решить, что делать с домом, – оглянулся на стену Ингирд. – Если просто оставить страже, то постепенно все придет в запустение. А если устраивать распродажу – застрянем на несколько дней.

– Мне пришла в голову мысль, только не знаю… понравится ли она вам, – с сомнением сообщила Иллира. – Объявить этот дом собственностью принца, как особняк короля в Зеленом доме. И найти сюда честного мажордома. Как я поняла, через Терст часто ездят знатные сеньоры, думаю, они не откажутся платить за удобный ночлег. А бывший особняк мэра нужно забрать за долги и выставить на продажу, пусть новый мэр этим займется.

– А где тогда будет мэрия? – с хитрой усмешкой смотрел на сеньориту баронет, начиная подозревать, что, пока они с утра искали и уговаривали мэра, Илли тоже не бездельничала.

– Да там же, где и была, в соседнем доме. Мэр его и не думал сносить, дом еще полсотни лет простоит. И кстати, писари и маг так там и сидят, и начальник городской стражи тоже. Это тот здоровяк, что сидел на воротах у мэра, он его дальний родственник.

– Но откуда ты-то все это знаешь? – поразился принц, сам только недавно выяснивший это обстоятельство, и все невольно заухмылялись.

Способность Илли узнавать секреты остальных уже не удивляла, девушка обладала невероятным умением располагать к себе простых людей, и ей охотно рассказывали то, о чем молчали под пронзительным взглядом баронета.

– Служанок утром расспросила, они пришли спросить, искать им новую работу или нет и заплатят ли жалованье, – честно призналась Илли. – Простые люди всегда все знают.

– Может, они знают и честного мэра?

– Знают. Но вы его и сами нашли, это тот самый гончар. Пообещайте его гильдии, что отдадите в аренду на десять лет какой-нибудь местный глиняный карьер, который находится на землях принца, в обмен на службу… и его будут умолять все коллеги.

– Про карьер тоже служанки сказали? – подозрительно уставился на секретаря принц.

– Ну да, та, что пришла вечером с Млатой, дочка вашего нового мэра… она в курсе всех семейных дел.

– И чем ты ее подкупила? – не выдержав, засмеялся Ингирд. – Мы с утра пытаемся уговорить этого Пентерса, и он нам про карьер ни слова не проронил.

– Про него ничего не знаю – может, какая старая обида? А с Миртой за эти дни подружилась моя служанка, вот они мне все и рассказали, – ничуть не обиделась Илли. – Так решайте, как поступим, и идите судить остальных преступников, а я тогда пошлю Мирту за кандидатами в управляющие.

Выехать из Терста путешественникам удалось только после обеда, и это несмотря на то что после упоминания о карьере Пентерс стал намного сговорчивее и сам внес несколько очень существенных деловых предложений. И все равно суд, передача дел, проверка городской казны и разбор отчетности заняли много времени.

После всех этих хлопот Кандирд сообщил, что он устал и устроился вместе с Илли и Бунзоном в карете. Принц снова вел себя так же, как декаду назад, до встречи с эльфами, – грыз орехи, шутил, играл с сеньоритой секретарем в шашки и словно случайно касался теплой ладонью ее пальчиков, вызывая каждый раз в душе девушки целый шквал противоречивых чувств.

Одна часть ее души хотела всего этого со все разгорающейся надеждой на счастье, другая заученно твердила, что она не имеет права, что это чистейший эгоизм и предательство тех, кто в нее верит, и если уж влюбляться, то в Седрика или Ингирда, эти хоть не бросят с разбитым сердцем и не уйдут в светлое будущее не оглянувшись, с прелестной принцессой под ручку.

В такие моменты взгляд сеньориты темнел и она переставала улыбаться, несчастно закусывая губу и даже не подозревая, что вонзаются ее зубки прямо в сердце незаметно следящего за нею принца. И чтоб отвлечь ее от грустных мыслей, Канд старательно припоминал все новые смешные случаи из своих погонь за бандитами и подсовывал ей на сруб шашки, в ответ на подозрительные взгляды клятвенно уверяя, что просто просмотрел такой вариант.

Когда стемнело, в карету вместо лекаря, отправившегося проведать квартеронку, забрался Ингирд, выпил полбокала разбавленного водой и медом вина, сердито пробурчал, что дорога тут самая паршивая во всем королевстве. И в самом деле, карета подпрыгивала, лампа, свисавшая с потолка, мигала трепещущим язычком пламени и грозила погаснуть, за окном изредка слышалась ругань всадников и кучера.

– Его величество очень умный человек, – ответила баронету Иллира, – он строит мосты и дороги. Дорога – это замечательное вложение денег. Вдоль нее начинают возникать поселки, мосты приносят ощутимый доход, купцы тратят на дорогу меньше времени, и их становится все больше. А в итоге начинают дешеветь их товары – ведь чего мало, то и дорого. Вот со всеми другими вложениями дела обстоят по-иному: чем дольше они стоят, тем дешевле стоят, потому что ветшают. А дорога все время приносит прибыль. Если поставить на ней заставы, как на северном королевском тракте, то они будут приносить прибыль почти с первого дня. За ночлег в защищенном месте и возможность искупаться после дня дороги люди всегда готовы платить. Селянам есть куда продать молоко, мясо и овес и где заработать осенью и зимой – новый кусок дороги построить, дрова заготовить.

– За дороги! – шутливо поднял бокал баронет, но карета подпрыгнула, его качнуло, и половина вина выплеснулась на колет.

– Еще они не выносят несерьезного к себе отношения, – шутливо сообщила Илли, и вдруг в памяти нестерпимой болью взорвалось старое, напрочь изгнанное воспоминание: ночь, дорога, редкие фонари… страшный удар и резкая боль в позвоночнике, мгновенно обрезанная милостивой тьмой.

– Илли! Илли! – Из тьмы и боли девушку выдернул встревоженный голос Канда, и, открыв слипшиеся от нежданных слез ресницы, сеньорита обнаружила прямо перед собой потемневшие от боли глаза. – Что случилось?

– Извините… – хрипловато прошептала она и поняла, что почему-то лежит на руках у принца, как ребенок, – отпусти меня…

– Это просто воспоминания… – вжавшись в свой уголок сиденья и тщательно оправив на коленях полы жилета, тихо сообщила Илли. – Они накатывают очень редко… наверное, я просто слишком перенервничала ночью, вот и прорвались.

– Илли, – мягко сказал Ингирд, – я понимаю… пока ты жила у тетушки, тебе некому было рассказать про свои проблемы. Но мы же твои друзья. И хотим помочь… но как помочь, если мы даже не знаем… что тебя мучает?

Илли молчала очень долго, вглядываясь в темное окно, а когда под колесами кареты мягко зашуршал песок деревенской улицы, сказала огорченно:

– Инг… я правда считаю тебя другом… и очень надеюсь… что ты не станешь относиться ко мне по-другому… если я скажу – нет. А пояснить лично для тебя могу вот так, – она сделала быстрый, почти неуловимый жест кистью руки, словно стряхивая соринку.

– Но это невозможно… – Никогда раньше принцу не доводилось видеть своего друга и наставника в особо щепетильных делах таким ошарашенным. – Только одно скажи… откуда?

– Тебе, возможно, скажут… кем был граф Хингред ле Трайд, – удрученно выговорила сеньорита. – Но постарайся… не упоминать меня… если сможешь.

– Хотелось бы мне сейчас знать, – обманчиво мягко и ласково спросил принц, глядя на друга, – что такого тебе показала сеньорита, друг мой? И у кого ты сможешь узнать такие интересные сведения?!

– У его высочества… – хмуро выдавил Ингирд, – Бенгальда, разумеется. Если он меня раньше не прибьет. Но как я мог подумать… что девочке из приюта такое знакомо? Ведь граф умер… еще одиннадцать лет назад! Извини, Илли, я не хотел.

– Я предупреждала, – виновато глянула она, – и не хотела тебя расстроить.

– Да о чем ты, птичка? – весело заухмылялся Ингирд. – Если все на самом деле так… то с моей души упадет последний, и довольно весомый, камень.

– И когда я начну получать объяснения? – с нехорошей любезностью осведомился принц, продолжая сверлить Ингирда пронзительным взглядом, но тот уже успел взять себя в руки.

– Не раньше завтрашнего утра, Канд. В чужих домах говорить на такие темы я не намерен. А сейчас мы уже приехали.

Глава 5

Хартеца оказалась довольно большим селом, раскинувшимся по обе стороны широкой речки, через которую был построен горбатый бревенчатый мост.

– Дьявол, – принц наконец-то нашел, на чем сорвать досаду, – сколько раз я посылал указ построить к этому мосту нормальные подъезды, чтоб карета не становилась дыбом!

– А они построены еще зимой, – припомнила сеньорита секретарь. – Староста в счет взятых у ростовщика на строительство денег удержал из налогов пятьсот золотых.

– Вот как, – радостно взрыкнул принц, а Ингирд вдруг расхохотался, да так заразительно, что в карету заглянул Гарстен:

– Нечестно – так веселиться, когда всем вокруг слышно. Нам же завидно!

– Я изобрел простой способ вычислить всех жуликов в наших пределах, – еще хихикая, сообщил ему баронет. – Мы просто ездим по городам и читаем указы, которые были выданы чиновникам, а Илли припоминает, сколько денег списано под эти указы. Все. Вот смотри, что сейчас будет.

Карета остановилась перед чистеньким деревянным тротуаром, ведущим к добротному бревенчатому двухэтажному дому с резными наличниками. На застилавшей тротуар нарядной домотканой дорожке стоял важный мужчина среднего роста и средних лет, а чуть позади – серьезный Седрик, внимательно наблюдавший за старостой.

– Ваше высочество… – уверенным голосом начал хозяин явно заранее подготовленную речь, но принц его невежливо прервал:

– Где подъезды к мосту, на которые якобы взяты деньги у ростовщика?

Староста побелел и рухнул на свои половики навзничь.

– Пощадите…

– Вот же комедьянт, – с презрением цыкнул Седрик. – Детьми клялся, что ни серебрушки из казны не взял.

– Наглые и самоуверенные, вот и не доперли, – проходя мимо, пнул старосту Ингирд, – что, расправившись с бандитами, сидящими в оврагах, его высочество возьмется за бандитов, сидящих в креслах мэров.

– Бунзон, – тихонько шепнула Илли выбравшемуся из второй кареты магу, – что у него в ауре?

– Раскаяние, – так же тихо вздохнул лекарь. – Вам его жаль?

– Детей, Бунзон, – сеньорита указала глазами на несколько детских мордашек, прильнувших к мутноватым дешевым стеклам летней пристройки. – Идем быстрей.

И заторопилась за стражниками, под руки волочившими старосту в дом. В доме пахло пирогами и жареной птицей, наваристым супом и свежей зеленью.

– Отпустите его, – не выдержав, попросила Илли, дернув Гарстена за рукав. – Никуда он не убежит. Не думаю, что у него столько же грехов, сколько у Болизарда.

– Отпустите… – оказывается, принц ни на секунду не упускал секретаря из виду, – послушаем, что он скажет.

– Да ведь не успел, – осторожно поглядывая на бедненько одетую сеньориту, затараторил староста, – зима-то была больно снежная, никак не вывезти бревна из леса, на мост ведь сухостой не пустишь. А пока дороги просохли, сев подошел, теперь первый сенокос… вот немного разделаемся с делами и поедем за бревнами, мы ведь их с осени заготовили и в штабеля по всем правилам сложили. Вот и оплатил мужикам за сделанное, не боле, кому семян прикупить, кому инвентарь…

– Расписки брал? – проходя к застеленной домотканым ковриком скамье, строго спросила сеньорита секретарь и села поближе к столу.

– Нет… ведомостью оформил, расписки наш люд давать не любит.

– Показывай, и отчеты прошлого месяца тоже. Ваше высочество, вы не против, если я сначала посмотрю его документы?

– Вот они все, – Седрик выставил на стол сундучок, – мы сразу забрали.

– Ну, вроде особых грехов нет, – сообщила Иллира через час, ловко пощелкав стареньким абаком, – вот только один вопрос… за что ты себе премии каждый месяц, двадцать или тридцать золотых, начисляешь? Я понимаю, что это немного, но премию обычно выдает его высочество или финансист.

– Так… – староста смотрел на девушку с разгоравшейся в глазах надеждой, как на спасительницу, – ведь гости. То один отряд едет, то второй… на расходы и беру. Лошадей с поля сорвать – тоже людям хоть серебром, а отдать нужно…

– Ингирд, – строго глянул на баронета принц, – а как часто тут проезжают наши разъезды?

– Наши не так часто, но тут же ниже по реке Торпинск, там раньше правил его высочество Рантильд, а теперь вы.

– Помню. Значит, нужно как-то это узаконить, постой и пищу для стражников. Сеньорита Иллира… подскажите старосте. И выпишите двести золотых от меня, за честность. Я иду умываться, – скомандовал принц, направляясь к двери.

Ему уже было ясно, что в эту ночь никаких допросов устраивать не придется и они смогут спокойно выспаться.

– Я еще добавлю сто от себя, за аккуратность в документах, – решительно заявила ему в спину Илли и повернулась к ошеломленному старосте: – А расходы на проезжающих оформляй ведомостью. В какой день, сколько человек откуда и куда ехали. Ну а подъезды к мосту мы проверим, и я запомню, что ты уже списал средства на их строительство. Где мне умыться?

На следующий день отряд тронулся в путь на рассвете, увозя с собой корзины со свежими пирогами и жареной птицей, бутыли молока и крынки со сметаной, которыми счастливые домочадцы старосты набили все свободные закоулки в каретах.

– Ингирд? – Как оказалось, за ночь Кандирд и не подумал забыть о вечернем разговоре, наоборот, судя по тому, с каким удобством он устраивался в своем углу и придвигал к себе корзину с пирогами, чувствовалось, что слушать принц собирался долго и вдумчиво.

– Пусть Илли расскажет, раз она все поняла, – вздохнул удрученно баронет, – а Бенгальду я ничего не скажу. Обещаю.

И сделал еще какой-то знак рукой, хищно поглядывая на сеньориту финансиста. Она ответила небрежным жестом и победно усмехнулась, глядя на его вытянувшееся лицо.

– Илли? – Его высочество глянул на любимую с живым интересом, как ребенок, разбирающий на части новую игрушку.

– Когда я обнаружила… что все важные посты в твоем дворце и в твоей свите заняты не случайными людьми, я начала думать, хорошо это или плохо. Нет, с позиции безопасности, несомненно, такой подход к проблеме идеален: когда все вокруг, кроме самых младших слуг, тщательно проверены и все посылают отчеты, обнаружить шпиона или террориста не представляет никакого труда. То, чего не заметил один – всегда заметит другой. Но тут возникает опасение, что в таких условиях сам принц может вырасти… инфантом. Извини, Канд, к тебе это не относится… я сейчас поясню. Невольно я пристальнее присмотрелась к основным фигурам и постепенно поняла, что наоборот. Они все не няни и гувернеры при затюканном мальчике, а умелые учителя и соратники. И нет ни одной сферы деятельности, в которой тебе некому было бы дать совет. Как я недавно выяснила, мажордом был очень хорошим управляющим имением и разбирается в агрономии и животноводстве, Седрика явно учили в специальной школе телохранителей при войсках наследника, секретарь подчинялся личному секретарю ее величества. Ну, начальник канцелярии отчитывался перед финансистом, Ингирд прошел выучку на тайного агента особого отдела Бенгальда, вот про Лензора мне ничего не известно, но думаю, Инг знает.

– А Гарстен?

– Гарстен командир, проверенный в боевых условиях: если вспомнить последние успешные кампании Ангирольда и сопоставить сроки, думаю, он отличился в Тригоне. И давно заслужил более высокое звание… но за особую премию ходит в капитанах, дожидаясь, пока ты его оценишь.

– Если он получает особую премию, зачем ему звание?

– Плох тот воин, который не мечтает стать полководцем, – сообщила Илли неизвестно откуда взявшуюся фразу и выглянула в окно. – Почти рассвело…

– Так ты нам ничего не расскажешь про своего отца? – осторожно бросил взгляд на девушку Ингирд. – Чтоб мне не посылать запрос Бенгу?

– Только в самых общих чертах, – вздохнула Илли, вспоминая сегодняшний сон.

Что-то слишком часто они стали ей сниться… Может, обстоятельства изменились или она неправильно считает? Или ее аура начинает меняться и они заволновались? Во всех случаях нужно как можно скорее попасть в город, пройтись по лавкам… во дворце принца все зеркала очень роскошные, но слишком новые, а ей нужно старое… такое, как осталось в монастыре. Но туда ей не попасть, не стоит даже думать. И враги не могут не следить за приютом, она точно знает, что они добрались туда еще два года назад. Мать Апраксия сумела оборвать след… но они же не остановятся?!

– Давай хоть в общих, – согласился баронет. – Но я теперь и сам могу понять… он был из наших. Но почему ушел? И главное, когда? Я не видел его имени в списках… я бы вспомнил.

– Он ушел оттуда за два года до моего рождения, – слабо улыбнулась Илли. – Моей матери грозила опасность, и у отца появилась более важная цель, чем шпионить на Этрайбиза, тогда именно он возглавлял тайный отдел.

– Но почему граф не попросил помощи у своих?

– Не забывай про чистку, прошедшую пятнадцать лет назад… именно тех, кого тогда выявили в вашем отделе, и боялся папа. Они с матерью вынуждены были часто переезжать с места на место, и потому он не имел возможности хорошо зарабатывать… и вернуться в отдел тоже не мог.

– Так это был не несчастный случай! – охнул сообразивший все баронет. – Они его все-таки нашли… но как ему удалось спасти тебя?!

– Инг… дальше я не могу говорить… я и так сказала слишком много. Папа не верил… что в вашем отделе не сохранилось крыс… и не разрешил мне никому про него говорить. Но тебе я верю, только боюсь, если Бенгальд даст команду проверять дело отца и тех… кто служил при нем, крыса поймет… что я что-то знаю, и придет по мою душу. А ты знаешь… какими они могут быть пронырливыми.

– Он будет молчать… – красноречиво глянул на друга принц, – пока ты нам не сможешь все рассказать. Год – это не так уж много.

Девушка молча смотрела в окно, прикидывая, удастся ли ей протащить зеркало во дворец незаметно или стоит все же сказать про него принцу, но потом вспомнила, как страстно он надеется, что сможет ухаживать за ней открыто, и горько усмехнулась. Она так старалась, так надеялась обмануть судьбу, и, как оказалось, все только для того, чтоб очутиться на той же тропе в спальню принца, только сделав петлю. И оттого, что сейчас он смотрит на нее такими влюбленными глазами, что хочется смеяться и плакать одновременно, ни капли не легче, наоборот.

Стоит представить, что едва она потеряет голову, как окажется на краю пропасти, как хочется сильнее сжать руки на горле у собственных чувств, чтоб они сгинули, как выполотые сорняки, не успев расцвести буйным цветом и отравить ядом всю душу.

А через некоторое время они вдвоем уговорили Илли съесть кусочек пирога и выпить молока и при этом так охотно вспоминали счастливое семейство старосты, что сеньорита просто не могла не понять главного. Ее друзьям точно так же, как и ей, досадно было находить зажравшихся хапуг и казнокрадов, обнаглевших до такой степени, что не признавали собственного правителя, вместо серьезных, озабоченных процветанием своего города чиновников. А может, даже еще обиднее, ведь они несколько лет потратили, чтоб избавить эти области от людей прежнего наместника и бандитов, а те, кому доверили важные посты, тут же превратились в жадных крыс.

– Знаете, – отпивая молоко прямо из кувшинчика, задумчиво сообщил принц, – я вчера подумал про дороги, и мне пришла в голову отличная мысль. Ну, это я так думаю, что отличная, а теперь хочу спросить, что вы скажете… Меньше чем через месяц мы едем во дворец на прием по случаю юбилея свадьбы их величеств. И удерем оттуда, как только закончится официальная часть, но поедем не домой, а на южный королевский тракт. Я хочу своими глазами посмотреть… что это такое, и поговорить с главным инженером. Отец привез его из Блансии и очень гордится тем, что сеньор Торциано знает о строительстве дорог и мостов все, что можно знать. Кстати… по большому секрету, он сын каменщика, и титул ему пожаловал отец… вместе с поместьем. Но он достоин

его больше, чем некоторые бездельники… рожденные от знатных отцов.

Илли только печально усмехнулась: даже сам не догадываясь, Кандирд нечаянно задел очень важную тему, но пока говорить об этом она с ним не станет. А возможно, никогда и не придется… никто не знает, как повернутся события завтра.

Глава 6

На обед стражники поставили шатер в березовой рощице, неподалеку от ручья. Однако кушать Илли не хотелось, друзья от скуки все время жевали сами и старались накормить сеньориту.

– Я поняла ваши коварные замыслы, – возмутилась она к полудню, – скормить мне пироги, чтоб добро не пропадало, и таким образом сэкономить на прокорме финансиста.

– Мы на твоем прокорме и так столько экономим, – веселились сеньоры, – что скоро можно будет на эти деньги новый мост построить.

– Что, Джигорт так много ел? – изумилась Иллира. – Или вы на него наговариваете? Учтите, когда он приедет, я это первым делом проверю.

– Не думаю, что он приедет… – нахмурился принц. – Я его в окно вышвырнул… как только не убил дурака. Мог бы хоть намекнуть!

– Тогда ты бы не поверил… – тихо сказал баронет. – Учти… с тех пор ты сильно изменился.

– Я перед ним в огромном долгу: если бы он так не поступил, я никогда бы не взял секретарем Илли, – хмуро сообщил Кандирд. – Как только увижу, попрошу прощения. И буду надеяться, что он простит.

– Он простил… – тяжело вздохнула сеньорита секретарь – говорить на эту тему у нее не было никакого желания, но и смолчать было нельзя.

– Откуда ты знаешь? – резко вскинулся принц и первым усмехнулся: скоро этот вопрос можно будет вышивать на его стягах как девиз. – Ее величество сказала?

– Нет. Он сам, – Илли снова вздохнула.

– Ты что, виделась с Джигортом? – мгновенно напрягся принц: смазливый и бесшабашный бывший паж с невероятной ловкостью умел очаровывать сеньорит всех возрастов.

– Нет, – укоризненно покачала головой девушка, – я его никогда не видела. Но я видела его послание тебе… впрочем, ты и сам его видел.

– Где? – прищурился принц, пытаясь вспомнить все письма, что читал перед отъездом. – Не помню.

– Помнишь, – еще несчастнее вздохнула Илли и пояснила уставившимся на нее друзьям: – Он написал так, что видели все, но зашифровал свое письмо. Потому я и потребовала, чтобы обои сняли со стен, – мог догадаться кто-то еще. Тогда я ведь не знала… что королева в курсе.

– Ты не ошиблась? – Кандирд смотрел недоверчиво, лично он в тех грубых, стилизованных изображениях женских фигур не нашел никакого сходства с письмом.

– Первая фигурка возле окна мне хорошо помнится… – неужели «п»? – задумался Ингирд. – Тогда вторая «р». Илли! А у тебя случайно нет… наброска?

– Такими сообразительными могут быть только те, – мрачно пробурчала сеньорита, копаясь в своем саквояже, – кто работает на Бенгальда. Вот, держи.

– Точно, – едко кивнул баронет, бросив пристальный взгляд на лишенный ненужных подробностей набросок, передал его принцу и вдруг заржал: – Представляю, что сказал бы Бенгальд, если бы знал, что ты понимаешь наши с ним разговоры!

– Не все… за то время, что папа не работает в отделе, у вас появились новые знаки, – усмехнулась сеньорита и отвернулась к окну, чтоб не выдать себя

взглядом.

Пусть гадает теперь, рыжий интриган, оговорилась она или проговорилась.

Гуляя между светлых молодых березок под неусыпным присмотром воинов, получивших от капитана строгие указания, Илли вспоминала этот разговор и сердито корила сама себя. Как зря она поддалась соблазну переложить хоть крохи тяжкой ноши, что уже два года несет в одиночку, на широкие плечи друзей! Теперь будет переживать, что, подвигнутые благородной идеей помочь несчастной сиротке, сеньоры ринутся в разгадку ее тайн так рьяно, как она ринулась в разгадку их собственных. И вполне могут привлечь внимание тех, кто столько лет охотится за ее семьей. Вернее, за той, что стала ей матерью. Именно за ней, за ее редким даром… и оттого враги еще страшнее и опаснее. Но про них лучше даже не думать – сеньор Бунзон гуляет неподалеку, делая вид, что ищет травы, и сможет все увидеть в ее ауре.

– Она у тебя необычная, – вспомнила сеньорита сказанное эльфами и печально усмехнулась: вот этого все они и боялись.

Что найдутся желающие докопаться, почему у нее аура немного другого оттенка и чуть бледнее, чем у остальных людей. Потому и советовали искать место у немолодых сеньор, которые не часто бродят в общественных местах и не принимают в гостях магов. А она умудрилась влезть в самое нежелательное для нее место, да еще и привлечь внимание принца и его дотошных друзей и родственников. Ну вот как ее так угораздило! Сколько сама себе говорит, что молчать нужно больше, так нет, словно черти толкают, так и лезет на язык то, что нужно держать глубоко внутри на пудовом замке.

Девушка прижалась к березке, обняла ее и, как когда-то давно, закрыла глаза. Как хорошо, греет щеку нагретая на солнце атласная кора, ласковый ветерок шевелит волосы, тихо и нежно шепчет: «Илли-и…»

– Что?! – встревоженно распахнула глаза сеньорита и обнаружила, что принц стоит с другой стороны дерева, так же прижавшись щекой, и смотрит на нее так мягко и нежно, как никто не смотрел уже почти пять лет… да нет, много больше.

Мать Апраксия была очень добра и сделала для нее очень много… но быть нежной она не умела. Вернее, когда-то разучилась. А если еще точнее, жизнь заставила разучиться.

– Что-то случилось?

– Нет. Я просто пришел посмотреть, как ты гуляешь.

– Посмотрел?

– Угу. Это тебе, – он вынул руку из-за спины и протянул пучок незабудок. – Пора ехать.

– А у нас нет запасной лошади? Я бы немного проехала верхом. Давно не каталась, – добавила Илли быстро, заметив на лице Кандирда сомнение, – у тетушки не было лошади.

– Сейчас распоряжусь. – Ну не мог он сказать «нет», когда она просит так тихо и смущенно, хотя и считал, что в карете намного безопаснее.

Никто не знает, да и знать никому не положено, что все королевские кареты защищены от многих бед спрятанными в укромных местечках амулетами. Очень удобный метод, ни один из темных магов-одиночек не видит защитного кокона, и сила амулетов понапрасну не тратится, включая щиты только в момент нападения.

– Пойдем! – Илли понимала, почему Канд стоит и не уходит, хотя собрался отдавать распоряжения.

Ей и самой очень не хочется смотреть, как он развернется и пойдет прочь. Потому проще положить руку на подставленный локоть и идти рядом по веселой светлой роще, наслаждаясь праздничной игрой солнечных лучей в тонких ветвях и нежно-зеленых листиках и с болью в сердце понимать, что, несмотря на все усилия, стены ее крепости начинают тихо таять, словно ледники с приходом весны.

– Эльфы подарили тебе свое седло, – следя за тем, как горестно дрогнули губы спутницы, мягко произнес Кандирд, не зная, чем бы отвлечь ее от печальных мыслей и как обрадовать.

После того как она рассказала про своего отца, принц долго сидел молча и пытался себе представить: каково это – стать в один черный день сиротой? Попробовал вообразить, что никого нет, ни вечно занятого строительством отца, который тем не менее как-то умудряется быть в курсе всех его проблем, и не только его. Нет матушки, успевающей разбираться с десятками интриг одновременно и изобретать тут же десятки новых, направленных на укрепление королевской власти и защиту сыновей. Нет Ангирольда, устраивающего внезапные тревоги своим полкам и резко перебрасывающего их с одного конца страны на другой, чтоб не теряли навыков, нет добродушного и лукавого Рантильда и язвительного, но надежного Бенгальда… остались только какие-то дальние родственники, которых еще дедушка лишил права наследования за попытки переворота. И даже друзей нет, ведь у нее не было никого, пока она не сумела завоевать доверие Инга и его самого. А едва он это все представил и прочувствовал пустоту и холод мира, в котором столько лет жила эта хрупкая девушка, которую Ингирд почему-то упорно зовет птичкой, и она не возмущается и не спорит, у принца свело скулы от желания немедленно спрятать ее в кольце рук. Надежно закрыть своим телом от жестокости всего мира, согреть и успокоить, заверить, что она больше никогда не будет одинока, что у нее теперь есть он и он никому больше не позволит даже пальцем ее тронуть. Как не позволил той ночью, когда одновременно с Ингом и Седриком бестрепетно вонзил свой кинжал в осмелившегося броситься на нее негодяя.

Эльфийские седла – это чудо, которое имеется далеко не у каждого короля. И вовсе не оттого, что не каждый может себе позволить его купить, а потому, что эльфы упорно не желают продавать свои седла, а из людей ни один умелец не может такое сотворить. Круглый пышный серый шар, из которого торчит несколько невзрачных, но невероятно крепких ремней – вот каким выглядит на первый взгляд эльфийское седло. Но стоит в него сесть человеку, оно обнимает тело мягким и упругим коконом, поддерживающим спину и ноги в том положении, в каком удобнее всего самому седоку.

Оказавшись в этом седле, Илли немедленно поняла разницу между ним и обыкновенным, скатанным из овечьей шерсти, седлом. Те седла лежали на спине лошади мертвым грузом, и даже мягкий потничек из кошмы не спасал животное

от потертостей, а человека от усталости. Это же прильнуло к лоснящейся спине смирной кобылки, которую выделили сеньорите, пышным и упругим основанием, позволяя ей дышать и не потеть и не ерзая даже на волос.

Прогулка верхом Илли чрезвычайно понравилась и подняла настроение, и вскоре она в сопровождении Кандирда и друзей вырвалась вперед, оставила позади отряд и мчалась между скачущим впереди дозором и каретой, радостно улыбаясь солнцу и медлительным облакам, плывущим навстречу.

– Стой! – остановил девушку крик баронета, и она разглядела, что дозорные машут каким-то флажком.

– В чем дело? – придержала Иллира лошадку.

– Немедленно садись в карету! – Принц вмиг стал тем человеком, которого она видела когда-то ночью, в наполненном дымом доме. – Тревожный сигнал.

– Но я…

Брови Кандирда сурово сдвинулись, и девушка, вздохнув, скользнула с лошади в руки Ингирда, который мигом запихнул ее в карету.

– На ней защита, – только и шепнул он, прежде чем захлопнуть дверцу.

А через полминуты точно таким же способом в карете оказались и Сетлина с Млатой.

– Э… – растерянно промямлила квартеронка, – они всегда так… обращаются с девушками?

– Нет, – успокаивающе улыбнулась ей Илли, – только когда что-нибудь случается… ну, бандиты нападают или еще что-то…

Заметив, что гостья резко побледнела, сеньорита сообразила, что неверно пояснила Сетлине происходящее.

– Я немного неправильно выразилась… извини, – улыбнулась она как можно легкомысленнее. – Это любимое занятие принца… ловить бандитов, и делать это он умеет. А нас тут охраняют… можете не переживать, ничего с нами не случится.

– Да он вообще дома почти не живет, – подтвердила Млата. – Зато в Бредвиле все купцы его высочеством не нахвалятся. И жители очень довольны. Говорят, раньше даже по городу иногда бандиты ходили, особенно в праздничные и ярмарочные дни.

– А что там можно купить в ярмарочные дни? – вспомнила девушка про зеркало и про то, что в начале лета в городах обычно начинается пора первых ярмарок.

– Ой, чего только нет, – Млата перечисляла бы бесконечно, но в карету влез хмурый доктор Бунзон.

– Что там произошло? – заволновалась Илли, и девушки встревоженно притихли.

– Пожар. Кто-то поджег дом местной травницы. Темные люди. Сначала сами запустят болезнь до последней стадии, а потом жгут травников и бросаются с ножами на лекарей. Но нам-то легче, амулеты носим, да и за аурами следим: если видим кого-то переполненного злобой, немедленно принимаем меры.

– Бунзон… – замирая от недоброго предчувствия, уставилась на него сеньорита секретарь. – А она хоть жива осталась?

– Успела спрятаться… и мальчонку спрятала. У нее на такой случай хитрый закуток в подвале имелся, полки, как дверца, открывались, и туда лаз. Там и отсиделись. А вот курятник, что к домику сзади пристроен, сгорел, и собаку, ироды, прибили. Щенки остались, мальчишка сейчас с ними возится.

– А куда их дели, травницу и ребенка?

– Его высочество везет во второй карете, – чуть виновато глянул лекарь. – Придется вам до городка вместе ехать. Там напавших судить будем, а женщина будет свидетелем. А потом собирается перебраться к родне поближе, говорит, у нее в западных провинциях кузина есть.

– А щенков хоть взяли?

– Ну а как же, нашла она старую корзину, в ней и везут. И все ее добро, что уцелело, самые ценные вещи она в закутке и хранила, говорит, этот поджигатель не раз на нее селян натравливал… как напьется, так и ведет ведьму жечь. Только какая она ведьма, дар совсем слабый. Да и глупо это, зло творить, когда рядом всего два села. Ясно ведь, к кому побегут мстить. А она на дурочку не похожа… совсем не похожа. Хотя есть и странность… старое зеркало прятала в подвале… но объясняет, что оно дорого как память о матери.

– Бунзон, я хочу с ней поговорить, – Илли казалось, что ее ведет предчувствие, хотя скорее это была привычка все происходящее пропускать сквозь особое сито, настроенное на отзвуки и признаки внешне вроде бы никак не связанных между собой событий, говорящих знающему больше, чем яркое объявление на двери таверны.

– Вот приедем в город, и поговорите, – пожал плечами лекарь. – Сейчас она слишком расстроена, пусть успокоится.

– А что у нас в этом городе? – выглянула за оконце сеньорита.

– В Потриге стоит один из гарнизонов его высочества, и мэр надежный, отставной полковник, хороший друг Гарстена, – сообщил лекарь. – Его высочество надеялся там спокойно отдохнуть… так эти поджигатели подвернулись. Хорошо еще, дозорные вовремя дым заметили, решили сначала, что это бандиты на обоз напали, вот и мчались.

Глава 7

До самого Потрига сеньорита секретарь ехала молча, задумчиво глядя куда-то в окно, но явно не замечая ни сгустившихся облаков, ни обступивших дорогу усадеб зажиточных сеньоров, и спутники были уверены, что так на нее подействовал рассказ о пострадавшей травнице. Бунзон, знавший, что родители Илли погибли при пожаре, корил себя на чем свет стоит за то, что полез объяснять ей подробности происшествия, – ну что стоило смолчать или соврать,

что он ничего не знает?

Лишь когда проехали заставу и замелькали за окошком фонари, Илли спохватилась:

– А где мы остановимся?

– Мы – в доме мэра, охрана – в гарнизоне, а травницу сейчас отвезут в гостиницу.

– Нет. Передай Ингирду, чтоб ее везли к дому мэра, – надеюсь, там найдется комнатка? Мы с Млатой и в одной переночуем.

Указание прозвучало так повелительно, что лекарь спорить не стал: и действительно, пусть поговорит сеньорита Иллира с травницей, удостоверится, что с женщиной все в порядке, спокойнее будет. Хотя аура у секретаря и несколько необычная, но лекарь, следуя приказу магистра Транбиуса, непрерывно за ней наблюдал и начал, как ему казалось, выявлять некоторые закономерности. Теперь, после того как ему выпало побывать в пресветлом лесу, посмотреть на водопады и пройти вокруг фонтана света, что помогает магам очистить и укрепить свои способности, эта процедура удается лекарю довольно легко. До визита к эльфам Бунзон видел ауры бледными, как сквозь туман, и долго наблюдать за ними не мог, начинала кружиться голова.

– Хорошо, – сразу понял суть просьбы баронет, – так даже удобнее.

И уехал в конец отряда, выдать распоряжения.

Едва карета остановилась на широком, мощенном камнем дворе мэра, Илли выскользнула из дверцы и помчалась ко второй карете. И едва не попала под копыта коня его высочества, спешившего увидеть свою сеньориту. Благо умное животное заметило ее раньше хозяина и замерло как вкопанное.

– Илли! – рыкнул побледневший принц, спрыгивая на землю. – Ты совсем головой не думаешь?! Вот куда ты бежишь, я же тебя чуть не задавил!

Он почти кричал, а у девушки слезы на глаза от растроганности наворачивались. Столько искренней тревоги было в этом резком выговоре, что ей даже в голову не пришло обидеться.

Однако Кандирд понял ее заблестевшие от слез глаза по-своему:

– Извини, – мгновенно раскаялся принц, – я не хотел тебя обидеть… Илли, ну ты же понимаешь…

Ох, как она понимала! И что пропадает, и что уже невозможно остановить сани судьбы, которые двинулись вниз по скользкому склону. Надеялась только, что сумеет немного этот процесс притормозить… хотя бы на время.

Вот только никак не могла придумать, как бы так сделать, чтоб и не ссориться с господином, и не встречаться так часто, тогда ей легче было бы держать дистанцию.

– Я просто хотела ее увидеть… – делая над собой усилие, пробормотала сеньорита, – и поговорить…

– Идем. – Принц подал ей руку и повел к остановившейся поодаль дорожной карете на глазах у изумленного мэра, выскочившего на крыльцо встречать дорогих гостей.

– Ты иди, – просительно проговорила Илли, едва они остановились у дверцы, из которой любознательно выглядывала русоволосая голова мальчишки лет шести, – неудобно, мэр ждет. Мы тоже сейчас придем, через две минуты.

– Хорошо, – нехотя согласился Кандирд – спорить с ней, после того как сорвался и накричал, не стоило.

Хотя он бы с удовольствием остался и послушал… о чем они будут говорить, но проявил силу воли, развернулся и ушел.

– Я сеньорита Иллира, – сообщила девушка молча наблюдавшей за их приближением травнице, – финансист и личный секретарь его высочества.

– Бетрина, травница, – тусклым голосом произнесла женщина, и Илли, внимательно изучавшая незнакомку, вдруг поняла, что та не намного ее старше, от силы на год или два.

Просто одета по-старушечьи, и платок повязан так, чтоб большая часть лица была в тени.

– Я хотела тебе предложить, – решение пришло к Иллире внезапно, как озарение, но отказываться от него уже не хотелось, хотя, идя сюда, она собиралась сделать совершенно другое предложение, – поселиться в моем имении. У меня там много свободных комнат, а сама я бываю редко.

– Почему вы мне это предлагаете? – глаза Бетрины подозрительно блеснули. – Я ведь не лекарь, а просто знахарка.

– Когда-то на пожаре… погибли мои родители… – Илли старательно воскрешала перед внутренним взором тех, кого почти забыла, уверенная, что у травницы имеются свои способы отличать правду от вымысла. – И мне помогли добрые люди. Я лишь хочу сделать то же самое.

– Тогда спасибо, – помолчав, склонила голову травница. – Я ведь им солгала… нет у меня кузины. А где это поместье?

– Недалеко от Бредвила, выше по реке, вы поедете в этой карете вместе с моей служанкой. Мы возвращаемся во дворец, а это недалеко. А сейчас идемте со мной, вам выделят место для ночлега и подадут ужин.

– Иллира! – к карете шел Гарстен. – Там принц волнуется… что случилось?

– Я не видела, что он подъезжает, и едва не попала под копыта.

– Ясно, – усмехнулся капитан. – Так ты идешь?

– Для Бертины и мальчика комнату выделили?

– Да, в том крыле, где прислуга живет, их проводят, – воин смотрел на девушку внимательно. – Еще что-то?

– Она согласилась поселиться в моем поместье, там нет лекаря. Нужно упаковать и уложить ее вещи как следует, скажи, чтобы проследили. Другую одежду она себе купит утром, я выдам жалованье за первые полмесяца.

– А собаки? – осторожно осведомилась травница.

– Там им понравится, я уверена, – улыбнулась Илли, следя, как капитан забирает у малыша корзину со щенками. – А молоко тут, думаю, найдется.

Разговор на волнующую ее тему девушка решила отложить на завтра – теперь ни травница, ни зеркало от нее не уйдут.

Мэр оказался общительным и внимательным поджарым мужчиной с седеющими висками, его жена и дочка – милыми, веселыми созданиями. Илли устало поглядывала, как семья мэра усердно развлекает за ужином гостей, причем особенно старается дочь мэра, обладательница копны рыжеватых локонов и зеленых подкрашенных глаз. Она оживленно выспрашивала принца и Ингирда о чудесах эльфийского леса, в меру ахала и смеялась, иногда грустнела и вздыхала, в общем, на взгляд Илли, явно пыталась поймать на крючок рыбешку пожирнее. Однако родители, с гордостью взиравшие на раскрасневшиеся щечки миленькой сеньориты, похоже, относили этот невинный флирт к дополнительному достоинству любимого чада и никаких особых тревог не испытывали.

Сеньорита секретарь с трудом дождалась конца ужина и потихоньку сбежала, Млата должна была приготовить ей ванну, и девушка мечтала побыстрее искупаться и оказаться в кровати. Поездка верхом кроме удовольствия добавила пыли в волосы и усталости спине.

– Мне выделили комнату в крыле для прислуги, – помогая сеньорите расчесать волосы, сообщила служанка. – Утром я приду, помогу одеться. Запирайтесь, тут по коридорам ходят незнакомые воины.

– Это тебе они незнакомые… – засмеялась сеньорита, но потом насторожилась: – Млата, к тебе кто-то приставал?

– Не то чтобы, но как-то смотрят…

– Оставайся тут, – мгновенно приняла решение сеньорита. – Вон диван, возьми у меня вторую подушку и ложись тут… не ходи никуда. Женская интуиция такая вещь… пренебрегать ею не стоит.

Она и сама чувствовала некоторое беспокойство, хотя точно знала, волноваться тут нет причин. Раз этот мэр друг Гарстена или его сослуживец, вряд ли он станет нападать на принца и его людей… в армии наследника дураков не держат. И не дают им рекомендации на должность мэра. Да и в семейной жизни он, как сразу видно, счастлив и порядочен, вон какими глазами поглядывал на слегка располневшую жену.

Да и Ингирд ничего ей не сказал… а он бы не смолчал, если б заметил. Он никогда не расслабляется, даже если со стороны кажется расшалившимся, как подросток.

Сеньорита полежала еще немного и поняла, что сон исчез напрочь. Тихонько встала, накинула халат и подошла к окну. Насколько ночь в человеческих землях уступает ночи эльфийской! Почти кромешная мгла, ни светлячка, ни звезд… небо затянули тучи.

Тихий, вороватый стук в дверь показался Илли громом. Она босиком метнулась к двери, но замерла, не дойдя двух шагов.

– Кто?

– Илли… это я.

Голос баронета девушка узнала сразу и поспешно откинула засов.

Он влетел в комнату, запер за собой дверь и с облегчением отер лоб:

– Уф… боялся, что ты спишь.

– В чем дело?

– Бунзон… подал знак тревоги. Пока я сумел с ним переговорить, ты ушла. Он видит по ауре… жена мэра и его дочь что-то затевают.

– Инг, но это же настоящая глупость! – расстроилась Илли. – Они что, совсем не понимают, что королева никогда не женит принца на этой Занитре?!

– Нет, дело в другом… я только что выяснил, что жена покойного мэра Терста – племянница нашей хозяйки. Дочь ее старшей сестры. Они это скрывают, но слуги уже все рассказали. Сейчас наши воины понемногу берут власть в доме в свои руки… и начинают обыск. Мы уверены, что дамы втайне от хозяина прячут беглую родственницу.

– А что тогда ты тут делаешь? – изумилась Илли. – Почему им не помогаешь?

– Потому что они начали с другого крыла… а меня послали охранять тебя.

– Да что меня охранять, вон Млата со мной.

– Где?

– Спит на диване.

– Уже не сплю, – сказала из полумрака Млата. – Говорила я вам, что тревожно там и воины эти… нехорошо смотрят.

В дверь резко ударил чей-то нетерпеливый кулак.

– Открывай!

Ингирд мгновенно сцапал сеньориту и отставил в самый угол, к шкафу.

– Открывай, проверка! – за дверью так же уверенно и нагло повторили приказ.

– В чем дело? Я не одета… – тоненьким голосочком пискнул Ингирд, осторожно вынимая из ножен кинжал.

Несмотря на всю серьезность положения, Илли не могла не хихикнуть, до этого момента она даже не подозревала у баронета таких актерских способностей.

– Подумаешь, – тихо фыркнул за дверью второй голос, и он показался Илли женским.

– Поторопитесь, сеньорита! Иначе я выбью дверь, – рыкнул мужчина.

– Не выбивайте! – испуганным голоском промекал баронет и шутливо показал Илли кулак. – Я одеваю-усь…

Девушка уже догадалась, Ингирд специально тянет время, но очень сомневалась, что незваные гости такие бестолковые, что тоже этого не понимают. Раз они действуют так нагло, значит, у них есть план, и скорее всего ей в этом плане отведена роль заложницы. Вот только бандиты не догадываются, что пришли не к испуганной овечке.

И хотя папа строго-настрого наказал ей это свое умение демонстрировать лишь в самом крайнем случае, стоять и смотреть, как ей связывают руки, Илли была настроена меньше всего.

Девушка аккуратно сняла халат и положила в сторону – спала она в захваченном в эльфийском лесу полотняном костюме, используя его как пижаму.

Дверь дрогнула от мощного удара, но устояла, особняк мэра был построен на совесть. Ингирд усмехнулся и встал с той стороны двери, куда она не попадет, если распахнется, и приготовился ждать. Где-то в доме, все приближаясь, звенела сталь, слышались топот и крики. В дверь ударили еще и еще, но она стойко держалась, а звук боя становился все громче. Притаившаяся в углу девушка подвязала тунику шарфом как поясом, закатала рукава и ждала, обратив все внимание на дверь и баронета.

Но тут вдруг ойкнула Млата, сорвалась с дивана и ринулась к госпоже. А секундой позже створки приоткрытого окна распахнулись во всю ширь и на подоконнике появилась фигура мужчины, одетого в синюю форму охранника мэра.

Пока Иллира, пихнув прижавшуюся к ней служанку в угол, разворачивалась лицом к новой опасности, баронет действовал. Схватил левой рукой цветочную вазу и вместе с букетом метнул так ловко, что не осталось никаких сомнений – Ингирд отлично воюет обеими руками.

Серебряный сосуд довольно удачно попал лазутчику в грудь, тот пошатнулся и, пытаясь удержаться на подоконнике, схватился левой рукой за тяжелую бархатную портьеру. В правой у него был зажат короткий меч. Тем временем баронет стремительно метнулся к стулу, подхватил за подлокотники и, прикрываясь им как щитом, ножками вперед двинул в противника.

Однако враг был ловок и сообразителен – резко дернув на себя штору, за миг до того как за его спиной обрушилась на пол сорванная с петель ткань, прыгнул в комнату, одновременно уходя вбок. Стул, пущенный тренированными руками баронета как снаряд, все же догнал его, ударил в спину, почти запер в узком пространстве между комодом и диваном.

Лазутчик толкнул стул назад на баронета и яростно замахал мечом, но в этот момент в бой вступила Илли. Она наконец-то нашла, что бы такое тяжелое бросить в бандита. Неизвестно чей сапог, с пряжками и шпорами, смачно врезался в голову негодяя, никак не ожидавшего нападения с этой стороны.

Ингирду хватило этого момента – мгновенным выпадом он вонзил кинжал в правое плечо противника и сразу отскочил – тот тоже оказался мастером и мигом перехватил меч в левую руку.

И тут в дверь снова постучали и знакомый голос принца позвал:

– Илли! У тебя все в порядке?

– Нет, – метнувшись к двери, сообщила девушка и щелкнула засовом.

Принц ввалился вместе с Седриком, разгоряченный боем, с окровавленным кинжалом в руке, и сначала нашел взглядом сеньориту, убедился, что она цела и невредима. Затем резко обернулся к окну, куда яростно пробивался осознавший свое поражение лазутчик.

Но Седрик, сразу вмешавшийся в бой друга, уже успел достать голову бандита непонятно где прихваченной длинной алебардой. Бил воин так, чтоб только оглушить, и это ему удалось: процедив какое-то ругательство, лазутчик рухнул на пол. Подоспевшие воины Гарстена уволокли бандита в коридор, и только тут Илли вспомнила, что слышала женский голос. Глянула на баронета и с изумлением обнаружила, что он уже на цыпочках крадется к двери умывальни. И принц вместе с ним, решительно сжимая кинжал.

Но едва дверь распахнулась от резкого рывка, на пороге возникла обворожительная, как картина мастера, женщина.

Рыжеватые волосы распущены по обнаженным плечам, грудь, едва прикрытая тончайшим кружевом персикового пеньюара, изумляет белизной и нежностью кожи, на длинных ресничках дрожат слезы.

– Ах! – хрустальным голоском пролепетала она. – Ваше высочество! Я так счастлива… вы меня спасли…

Тут сеньора попыталась упасть в обморок на руки принца, но ни Канда, ни ядовито ухмылявшегося баронета провести ей не удалось. Оба резво отступили назад, и обморок отменился. Сеньора просто сделала вид, что пошатнулась, утомленно уронила холеные руки и вдруг хищным движением выхватила из складок юбки какой-то амулет:

– Отпустите меня – и все останетесь живы!

Принц решительно шагнул к незнакомке, но второй сапог с пряжками, заскучавший в шкафу без пары, врезался точно в ее хорошенькое личико.

А в следующий миг твердая рука баронета ловко выхватила злополучный амулет и передала подоспевшему лекарю.

А Седрик, не обращая внимания на громкие рыдания, завел сеньоре руки за спину и крепко связал куском грубой веревки. Как успела Илли заметить, специально выбрал самую жесткую из поданных воинами.

– Отдыхайте, я поставлю охрану, – приказал принц, покидая покои сеньориты секретаря, однако Илли, уже туго запахнувшая и завязавшая свой темный халат, считала по-другому:

– Я иду с вами. Все равно тут нужно убирать, Ингирд не мог сразу стукнуть его по голове, залил все кровью.

– Если бы я знал, что ты умеешь так воевать нетрадиционными методами, то вообще не вставал бы с кресла, – возмутился баронет. – Там, в шкафу, остался целый арсенал оружия. И где только научилась?!

– Когда посадишь фасоль или горох, – скромно опустила глазки сеньорита, – вороны и грачи любят выкапывать их из грядки. Вот и тренировалась.

– Да?! – нарочито изумился Ингирд. – Вот смотрю на тебя и все больше убеждаюсь, что зря я пренебрегал садоводством… просто не ремесло, а золотой прииск. Сажаешь себе цветочки и попутно учишься мыслить логически и воевать с разными вредителями…

– Ладно, идем, – сдался принц, – все-таки ты тоже свидетель.

– Ничего подобного, я жертва, – возразила Илли, шагая вперед. – Правда, замысел взять меня в заложники успешно провалился. Благодаря тому, что Ингирд вовремя прибежал, спасибо, Инг. Иначе они сейчас вовсю торговались бы, шантажируя вас моей жизнью.

– Откуда… – начал говорить принц и, стиснув губы, глянул на друга.

Баронет только удрученно кивнул, он тоже давно сообразил, чем могло закончиться это нападение.

– Вот как, – процедил Кандирд, и Иллире стало не по себе – столько яростной ненависти прозвучало в этом шипении. – Ну тогда придется с утра плотникам строить виселицу.

Пленница несчастно застонала и все-таки решилась упасть в обморок. Крепкий воин перебросил ее через плечо и потащил как мешок, ворча себе под нос, что

если все время падаешь в обмороки, то нечего лезть в драки.

– О чем вы вообще думали?! – постаревший сразу на десять лет мэр с ужасом и болью смотрел на трех женщин, сидящих у стены на простой скамье.

У одной, самой красивой и холеной, руки были связаны за спиной, а ноги заперты в колодки – она попыталась сбежать, ударив несшего ее воина носком туфли в живот.

Двух других связывать не было нужды, от пережитого страха обе еле держались на ногах. Все детали их предательства выяснились почти сразу. Получив приказ задержать бежавшую супругу мэра Терста, командир Потригского гарнизона сразу поставил о нем в известность своего градоначальника, но тот решил не волновать жену и дома никому ничего не сказал про секретный приказ. И не заподозрил плохого, когда через день в доме появились трое новых охранников, – по давней семейной традиции всех слуг в дом нанимала жена, сам он всегда был слишком занят на службе.

Правда, слегка удивился, зачем им так много охраны, но супруга веско объявила, что умные отцы не задают таких вопросов, когда имеют дочь-красавицу. Занитра ездит на приемы и балы, и ей нужно сопровождение, а старых охранников скоро придется отослать в поместье, там обнаглели сельские парни, повадившиеся каждое лето обносить грушевую аллею.

И только теперь несчастный мэр выяснил, что эта тройка была преданными охранниками племянницы. Вернее, охранниками были двое, третий, оглушенный Седриком, был ее возлюбленным.

Их план был прост и нахален: пока сеньору караулят на дорогах, она будет скрываться в доме тетушки. Не задаром, само собой, несколько браслетов и колье, найденных при обыске, четко обозначили цену предательства. Пройдошливая племянница знала точно, перед чем не устоит родственница, послала ей с письмом то самое колье, от которого тетушка приходила в тихий восторг.

Все остальное прошло как по маслу: Занитра съездила в поместье на прогулку и в багажном ящике под сиденьем привезла домой кузину. После чего

преступницу поселили в одной комнате с верной служанкой и стали ждать того дня, когда можно будет без опаски вывезти ее дальше, в сторону столицы.

Однако наблюдательность Бунзона нарушила все планы заговорщиц, и пока воины принца проводили опрос слуг и обыск, лекарь и баронет в присутствии мэра и принца начали допрос хозяйки.

– И как мне теперь жить? – обхватив голову руками, хрипло спросил сам себя мэр.

– Я думаю, как прежде, – поймав умоляющий взгляд сеньориты, жестко произнес принц. – Только отправьте вашу супругу на годик в поместье варить варенье и приставьте к ней свою охрану. А сеньориту срочно замуж… есть у нее порядочный поклонник с твердым характером? Только предупредите сеньора, чем может обернуться потакание ее капризам. Ну а вашу кузину я хотел бы повесить… но не могу, женщин его величество не казнит. Но она навсегда отправится в монастырь. В северный, к сестрам ночи.

Сеньора все-таки упала в обморок, и на этот раз все поняли, что он настоящий.

Глава 8

Это было очень жестокое наказание – сестры северного монастыря много работают, очень просто едят и одеваются и никогда не выходят на улицу днем. Считают, что слишком грешны, чтоб показывать светлым духам свои лица. В основном в том монастыре живут те, кто глубоко раскаялся в содеянном, но сам себя так и не простил. И очень редко туда отправляют насильно… но лишь тех, кто заслужил.

А вдова мэра Терста заслужила. И не только тем, что путем подкупа склонила тетушку предать доверие мужа, обмануть его и втянуть в эти интриги его дочь. И принц, и его друзья, и сеньорита секретарь прекрасно понимали: вдова все знала про дела мужа, принимала в них участие, и скорее всего это именно она и подстрекала сеньора Болизарда, потому что все изъятые у нее в саквояже и потайных карманах драгоценности были женскими и очень высокого качества.

Выходило, ради того чтоб эта красотка могла красоваться в блестящих камушках, пятеро детей должны влачить сиротскую долю, а их матери – нести вдовий крест. Вряд ли кто-то решится жениться на них и повесить себе на шею чужих детей.

В свою комнату Илли пришла хмурая и расстроенная и долго не могла уснуть, несмотря на усталость.

А утром явилась в столовую чуть ли не первой, спросила молока и булочку и выяснила у кухарок, что травница уже не спит и тоже приходила недавно за молоком.

– Позовите ее сюда, – садясь за стол, приказала сеньорита. Общаться как с равными со слугами, которые все замечали, но не доложили хозяину, ей не хотелось.

Конечно, они люди маленькие и не хотят, а может, и боятся ссориться с хозяйкой, но от этого симпатичнее Иллире не становятся. На месте мэра она немедленно сменила бы всех слуг, но подсказывать не станет. В таких делах каждый решает сам. Но слугам на орехи явно перепало, или почуяли, что пахнет жареным: с утра все такие сосредоточенные, не просто бегают – летают.

– Вы меня звали, сеньорита? – умытая и причесанная травница, одетая в темную юбку и блузку в мелкий горошек, оказалась очень миловидной женщиной, и Илли поняла, что не ошиблась.

Не за невылеченные простуды и прострелы так стремился сжечь ее селянин, а за отказ. И вот эта злобная мстительность возмущала сеньориту секретаря больше всего. Почему-то некоторые мужчины настолько уверены в своей неотразимости и в своем праве брать все, что понравится или захочется, что воспринимают отказ как нарушение этого никем не подтвержденного права. И наказывают ослушниц очень жестоко, иногда даже смертью.

Вот и этот приговорил непокорную знахарку к страшной и мучительной смерти, да не одну, а вместе с неповинным ребенком. У Илли просто сжималось все в груди в яростный ком, когда она думала об этом тупом и жестоком подонке, и хотя девушка всем сердцем ненавидела казни и намеревалась сегодня уговорить принца назначить некоторым провинившимся другое наказание,

однако негодяй, подбивший селян на поджог травницы, в это число не входил.

– Садись, Бертина. – Илли специально выбрала себе место в дальнем углу комнаты, за небольшим чайным столиком, чтоб видеть всех, кто будет подходить. – У меня к тебе серьезный разговор. Ты, конечно, слышала ночью шум, это ловили беглую преступницу, племянницу хозяйки. Они вместе с мужем, мэром Терста, украли казенные деньги и убили двух каменщиков, сделавших в доме потайной подземный ход. У этих мужчин остались вдовы и дети… у одного трое, у другого двое. А сегодня принц намеревается повесить троих здоровых мужчин, наемников, которые охраняли эту преступницу. Я хочу знать: есть ли надежное зелье… вроде приворота, чтоб надолго привязать тех, кто согласится добровольно жениться на вдове? У принца есть личный лекарь, но он маг… и я не знаю, какие и кому он давал клятвы на этот счет, вот и решила сначала спросить у тебя. Понимаешь, детям мало толку, что здоровых парней просто повесят… им придется хлебнуть горюшка. Я сама сирота… знаю.

– Маги такое делают, но редко… и неохотно, – задумчиво глядя на Илли, произнесла знахарка. – Они боятся, что кому-нибудь придет в голову сделать всех вокруг послушными, как големы. Потому что магическое заклинание постепенно слабеет, и у всех по-разному. У сильных духом – быстрее, у детей иногда на второй день, а иногда остается до взросления. А приворотные зелья мы варим с запасом – и даем жене бутылочку. Но главное – законные браслеты. Если человек решит сам и добровольно выпьет зелье, а потом еще закрепит брачным браслетом, никуда он больше не денется. Но ведь и женщин спросить нужно?

– А вот за ними скоро поедут, я не знаю, где они живут… и конечно, без них не могу решать. Но если ты пообещаешь помочь и они согласятся, то попытаюсь уговорить принца.

– Вон он идет, – оказывается, у травницы тоже была привычка поглядывать на дверь.

Кандирд не выспался и был сердит и на весь мир, и на себя самого в первую очередь. Ведь знал же, что Илли обязательно поднимется с рассветом, даже несмотря на то что полночи сидела на допросе. И велел Гарстену предупредить охранника, чтоб разбудил. Тот, само собой, предупредил, капитан – человек

обязательный. Но вот забыл рассказать, что не нужно обращать никакого внимания, когда принц грозится убить с особой жестокостью или посылает сходить в порт Юрэсто за крабьей икрой.

Вот и проспал принц из-за бестолкового охранника почти час лишний, пока не пришел на пост более опытный стражник.

– Доброе утро, – мельком глянув на незнакомую молоденькую служанку, сказал Канд, вручил Илли букетик мокрых маргариток, которые в порядке подхалимажа выдал ему Гарстен, и сел на свободное место.

Служанка сделала движение встать, но Илли удержала ее за рукав кофточки, и принц недовольно засопел: при чужих людях придется разговаривать так, как подобает по правилам.

– Канд, ты не узнал Бертину? – Сеньорита начала догадываться по сердитому сопению господина, что никого он не узнает спросонья и вообще зол и не выспался.

– А должен был?

– Давай сейчас ты выпьешь молоко и пойдешь поспишь, – рассмотрев лицо принца, строго объявила сеньорита и махнула служанке: – Еще молока, пирогов и булочек.

Та появилась с подносом буквально через минуту, ловко составила все на столик, забрала пустую тарелку Илли и исчезла.

– А ты еще будешь? – Канд решил, что, раз Илли так свободно разговаривает с ним при этой девушке, значит, и ему можно не портить себе настроение, и немного повеселел.

А заодно присмотрелся к сотрапезнице и осознал, что где-то ее видел, причем недавно. Вот только где – вспомнить не мог.

– За компанию выпью, – кротко кивнула сеньорита секретарь, понюхала мокрые цветочки и сунула в пустую чашечку. – Спасибо за цветы. Гарстен нарвал?

Принц только страдальчески поднял глаза к потолку – спрашивать «откуда ты знаешь» становилось ритуалом.

– Там дождь, – вздохнула Илли, – и сильный. А ты сухой. Я думаю, ему пора давать полковника. А это Бертина, та травница, которую вы спасли вчера.

– Да? – недоверчиво покосился на девушку Кандирд, у него было стойкое впечатление, что та женщина была лет на десять старше.

– Бертина едет с нами, я взяла ее знахаркой в свое поместье, – кивнула Илли. – А одевалась она так… неприглядно, потому что тот поджигатель ее… преследовал.

– В каком смысле? – насторожился Канд.

– В том самом, – несчастно вздохнула Илли. – Но ты же понимаешь… что спрашивать подробнее я не стала.

– Это правда? – испытующе глянул на девушку принц и обнаружил, что по ее щекам бегут слезы.

– Замучил. Как я только не уговаривала, чтоб оставил в покое… даже деньги давала. А он пропьет и снова лезет, не в дверь, так в окно. Мы там всего второй год живем… – проговорила Бертина, – раньше под Езинью жили. Мать травница была, и бабка. А однажды мать ушла роды принимать к жене трактирщика – и не вернулась. А потом соседка прибежала и говорит, бери Троша и бегите, я скажу, что по ягоды пошли. Быстро в мешок все ценное побросать помогла и через свой огород вывела. Уже потом я слышала… у трактирщицы уродец родился… на гоблина похожий, а на мать все свернули, что она от зависти порчу навела. Вот и остались без мамки. Трош ведь мне брат… только забыл уже, четвертый год мотаемся.

– Успокойся, теперь все будет хорошо. В имении сеньориты Иллиры вас с братом никто не обидит, – стиснув зубы, пробормотал принц: женских слез он не выносил, а вот такие истории просто ненавидел. Насмотрелся на растерзанных женщин, пока за бандитами гонялся. Потому и вешал пойманных нещадно: тот, кто может так обойтись со слабым, жить недостоин. – А негодяя мы сегодня же повесим… и всем объясним за что.

– Кстати… про «повесим». – Илли заботливо подлила принцу молока и глянула на дверь, в столовую входили Ингирд и Седрик.

Как они некстати… или наоборот?

– Как вы неудобно устроились, нам и места нет, – поздоровавшись, прямо заявил Ингирд, и травница снова попыталась сбежать, но Илли ее удержала: – Посиди еще немного, я как раз хотела им все рассказать… Седрик, а ты не мог бы принести сюда вон тот столик? Вы тогда как раз уместитесь.

– Если рассказ будет занимательным, я принесу, – бросив на широкий подоконник влажный плащ, решил поторговаться адъютант.

– Обхохочешься, – мрачно пообещал принц, и Седрик, понимающе хмыкнув, отправился за столом.

А когда все устроились и, выпив по полчашки горячего чая, начали выжидающе поглядывать на сеньориту секретаря, Илли уже полностью собралась с мыслями и решительно приступила к объяснениям:

– Вы все знакомы с Бертиной?

– Да, – кивнул Ингирд, – но со вчерашнего дня она заметно помолодела.

– Ей пришлось маскироваться, – так же мрачно объявил Кандирд, – тот поджигатель… приставал к девушке. А ей с братишкой больше деться некуда… сироты они.

– А кузина? – сразу насторожился баронет.

– Я всем говорила… – честно подняла на придворных виноватые глаза травница, – что у меня есть кузина, а ее муж стражник… и что я пишу ей письма. Фичмол немного побаивался… что я пожалуюсь и эти несуществующие родственники приедут.

– Он у нее деньги брал… – процедил с ненавистью принц, – на кабак. А как кончались, снова приходил.

– Повесим, – злобно рыкнул Ингирд, – вместе с теми наемниками.

– А мне кажется… – задумчиво сообщила Илли, – что как-то это несправедливо.

– Тебе его жаль?! – Три пары глаз смотрели на девушку изумленно.

– Нет. Мне никого из них не жаль. И Фичмола повесить нужно обязательно. Еще и табличку на груди прикрепить, что он пытался сжечь девушку и ребенка за то, что отказала ему в грязных притязаниях, – категорично заявила сеньорита, и друзья успокоенно принялись за пироги и колбаски, но, как оказалось, рано расслабились. – А вот те трое… ну двое… любовника сеньоры нужно судить отдельно, но остальные по сравнению с поджигателем как-то кажутся не такими уж подлецами. Ведь они наемники… и подрядились ее защищать. И когда брались за эту работу, отлично знали, что стеречь будут жену мэра, а это престижная работа. А в том, что она и мэр оказались преступниками, они ведь не виноваты. Они просто до конца выполняли свою работу и, думаю, понимали, на что идут… но нарушить клятву уже не могли.

– Ты предлагаешь их отпустить? – впервые за последние дни принц разговаривал с Илли так сухо.

– Конечно нет. Я подумала, что можно дать им искупить свою вину. У каменщиков остались дети и вдовы… если они согласятся кормить и растить детей вместе с их матерями до совершеннолетия, пусть потом идут куда хотят. Мы поговорили с Бертиной… она сказала, что сможет сварить такое зелье. Если они согласятся добровольно, то будут искренне любить своих жен, только обязательно нужно провести ритуал законного брака.

– Эти женщины живут далеко отсюда, мы решили их не привозить, – с сожалением сообщил Седрик, – но мне эта идея нравится. Если они согласятся на предложение, можно отправить их в Бредвил с охраной.

– Это похоже на старый обычай степняков, – задумчиво кивнул Ингирд. – Если ловили убийцу кормильца семьи, то заставляли его пятнадцать лет жить с женой врага и кормить детей.

– Ну, значит, возродим старый обычай, – веселея, подвел итог принц. – Тогда сейчас быстро закончим с поджигателями и отправляемся. Наемников успеем допросить и в Бредвиле. Седрик, намекни им, что у них будет шанс искупить свою вину, чтоб не задумывали побег или еще какую глупость. И отправьте приказ привезти вдов, да чтоб повежливее с ними обращались.

– Тогда я пойду кормить и собирать Троша, – немедленно поднялась с места травница, и Илли больше не стала ее удерживать, отлично понимая, как неловко чувствует себя девушка, сидя за столом с такими важными господами.

Сама еще недавно такая же была.

Глава 9

– А можно это взять? – глазенки Троша умильно смотрели на сеньориту секретаря, каким-то неведомым чувством признав ее хозяйкой этой замечательной кареты.

Бертина ехала вместе с Млатой и квартеронкой, а вот ее братец кочевал из кареты в карету и из седла в седло. Он успел посидеть со всеми, даже в эльфийской повозке, которую приспособили для перевозки шатров и легкой плетеной мебели.

– Твоя мамушка меня прибьет, – с нарочитой печалью сообщила Илли, подвигая ему корзину с земляникой и зеленоватыми ранними сливами, – если у тебя заболит живот.

– Не-а, – не поверил он, – она добрая. Она всех лечит. И Жульку лечила, когда кабан укусил.

Мальчишка примолк и задумался, глядя в окно, и Иллира тихонько вздохнула. Она видела иногда в шустром и наивном ребенке и недетскую тоску, и затаившуюся, звериную опаску, и думала, что мало он отстрадал, тот здоровый селянин с грязными ногтями, за весь ужас, какой по его вине перенес этот ребенок. Почему-то это считалось негуманным и неблагородным – долго мучить

преступников, и иногда она думала точно так же и даже строже. Но когда видела вот этого ребенка, который даже к кострам на привалах боялся подходить ближе, в душе мгновенно вскипал девятый вал неистовой злобы.

Бунзон, заметив такое ее состояние в первый раз, встревожился, спросил, в чем дело, и сеньорите пришлось объяснять, чтоб не волновался ни он, ни напрягшийся от этого вопроса принц. Кандирд большую часть дня ехал верхом, но когда Илли оставалась в карете одна или с кем-нибудь из друзей, садился отдохнуть, как он говорил, и все чаще просил ее рассказать о тех вещах, которыми и не думал интересоваться раньше. О прибылях и убытках, о налогах и аренде, о процентах и банках. И подолгу молчал, обдумывая услышанное, или задавал вопросы, чтоб прояснить непонятое.

А однажды, когда в карете никого не было, вдруг хмуро сказал:

– Не понимаю, почему они меня обманывали, неужели считали, что я никогда не заинтересуюсь такими вопросами и ничего не пойму?

– Кто? – встревожилась Илли.

– Их величества и Рантильд. Ведь все мои деньги лежат в королевском банке, я наличными вижу только кошелек, который беру, выходя на ярмарку. И все эти пять лет я ничего не строю и не возвожу. А ты говоришь, что деньги не должны лежать, а должны работать.

– Канд… – девушка не выдержала и нежно взяла его за руку, – я, наверное, плохой учитель. У королевского банка для тебя самый большой процент за эти деньги, и это значит, твой отец, наоборот, делится с тобой своей прибылью от мостов. Да, ты не видишь кучи золота, оно где-то звенит – в карманах строителей, камнерезов и лесорубов, у кузнецов и трактирщиков. Но они ведь немедленно возвращают его в банк, кладут на свои счета, платят налоги, а Рантильд немедленно выдает это золото под процент вашему отцу, чтоб тот оплатил новый мост или заставу. Но дело в том, что тебе платят столько, сколько другие платят за право получать у банка кредит. Расходы самого банка твой брат покрывает за счет других. Так что не обижайся на семью, сумма, которая записана на твоих счетах, все время растет, ты ведь не транжиришь деньги на широкие гулянья, не устраиваешь бесконечных балов и не кормишь толпы бездельников.

– Илли, – его высочество осторожно сжимал в своих ладонях ее ручку, – мне всегда казались такими скучными эти расчеты и проценты… без тебя я бы еще лет десять не начал о них думать. А насчет толпы бездельников… я как раз только вчера думал, что по моему дворцу бродит слишком много придворных. Вот Бенгальд всех поразогнал, сам мне рассказывал: выходил утром в приемный зал и спрашивал, кто по какому вопросу пришел. И слугам запретил подавать чай и обед тем, кто не служит или не состоит в свите.

– Представляю… – засмеялась Иллира, – как они оскорблялись.

– Можешь не представлять… скоро своими глазами полюбуешься, – злорадно фыркнул его высочество. – Я тоже собираюсь так сделать. Почему Ингирд и Лензор целый день чем-то занимаются, хотя никаких должностей не имеют, а толпы придворных только едят и плетут интриги, которые мне приходится наблюдать и разбирать?

– Канд… но ведь, пока ты не был занят делами, они тебе не мешали? Мне кажется, придворные для принцев как живые игрушки… вроде щенков Троша. Ты учишься на них разгадывать людей, изучать их повадки, понимать, что не всегда за улыбкой стоит доброжелательность… и не смотри на меня такими глазами… это все мне папа в голову вбил.

– Зачем? Зачем, Илли, он вбивал все это в голову маленькой девочке? Знал заранее, что ты останешься одна? Так почему не уехал куда-то очень далеко, не сменил имя и внешность, не спрятался… ради того, чтоб не оставлять тебя одну?!

– Канд, – горько вздохнула сеньорита, задушив в себе всплеск ярого желания немедленно объяснить этому упрямцу, как глубоко он ошибается, – ты недавно был несправедлив к своим родителям, а теперь несправедлив к моим. Я точно знаю, что он не мог поступить по-другому, мы не раз это обсуждали… и когда-нибудь наступит день, в который я все смогу тебе объяснить. Но пока не время… прости.

– Это ты меня прости, – мгновенно огорчился Кандирд, – я тебя расстроил. Но иногда мне кажется, что я никогда не дождусь этого дня.

«Я жду его уже несколько лет и верю, что он наступит, и все для этого делаю», – хотелось сказать сеньорите, а еще ей хотелось сказать, что это будет день их прощания. Она уже со всей очевидностью понимала, что его высочество только и ждет этого момента, чтоб обрушить на нее весь арсенал своей любви и настойчивости. Да он и сейчас, под бременем данного ей обещания, еле сдерживается и все чаще задерживает ее пальчики в своих ладонях, а ее саму – в объятиях, когда снимает после прогулки с лошади. И стоит вспомнить, как ей самой приятны такие знаки внимания, как в душе вспыхивает четкое понимание – очень скоро ей придется бежать.

Иллира уже начинала задумываться, каким образом ей сделать так, чтоб он не искал и не волновался. И с каждым днем убеждалась, что единственный способ, который сработает в этой ситуации надежнее других, будет самым болезненным для нее самой. Но она может и потерпеть… она выносливая.

К Ольшанам отряд подъехал поздно вечером. Его высочество предпочитал останавливаться на ночлег именно тут, в большом зажиточном селе, славящемся медами и копченой гусятиной, а также перинами и пуховыми одеялами – вовсе не из-за любви к мягким постелям. На одном из окружавших село холмов расположилось небольшое поместье, из которого он когда-то выбил самого наглого главаря бандитской шайки, открыто жившего в надежном доме с башнями под видом добродетельного сеньора.

Вот там его высочество чувствовал себя как дома, потому что это поместье с тех пор принадлежало ему и в нем постоянно проживали несколько слуг и воинов из небольшого Ольшанского гарнизона, держащего свои дозоры в двух заставах, охраняющих проходящие через село дороги.

Этот день принес Илли с утра неожиданный подарок. Когда она осторожно завела с травницей, которую позвала после завтрака в свою карету, разговор про зеркало, та неожиданно смутилась:

– Подарок это… одна старушка отдала, у которой мы с Трошем некоторое время жили, когда на восток переезжали. Сказала, за лечение. Я брать не хотела, старое оно и тяжелое, а у нас кобылка была старенькая, да и тележка маловата. Но она уломала, говорила, ценное оно именно тем, что старое. Я бы ей не поверила, да вспомнила – мамушка точно так говорила. Вот в память о матери и

взяла… из родного дома мы мало что унесли. Всех денег и ценностей и хватило купить на ярмарке ту кобылку. А тележку в придачу дали, кроме меня, ее никто покупать не хотел. Но я подлечила… и еще два года ездила.

– Бертина… у моей матери было такое зеркало… но дом сгорел, а я была маленькая… не знаю, куда что делось, землю тетушка продала, пока я в приюте жила. Если ты мне его продашь, я дам любую цену… мне очень хочется такое иметь. Но если не хочешь, настаивать не буду, поищу в лавках старьевщиков в Бредвиле, думаю, найду похожее.

– Я вам его так дарю, – тихо сказала травница. – Не такой вы, сеньорита, человек, чтоб я вам что-то продавала. У меня ведь рядом с вами надежда на будущее появилась… а это для нас с Трошем важнее всего.

– Спасибо, – отказываться Илли и не подумала, точно зная, что постарается возместить этот подарок с процентами.

И когда на фоне вечернего неба четко проступили силуэты башен и флюгер дома, назначенного в эту ночь стать их ночлегом, мечтала только об одном – поставить зеркало в своей комнате и проверить все сильнее мучившие ее подозрения, что ее уже зовут.

Но выходя на ступени крыльца, начала догадываться, что этим мечтам, скорее всего, сегодня сбыться не удастся. И нужно будет поставить букеты всем пресветлым духам, если только сегодня.

На крыльце, сохраняя на лице непроницаемое выражение главного королевского прокурора, стоял собственной персоной его высочество Бенгальд. И это было если не знаком того, что что-то случилось, то гарантией того, что обязательно случится.

– Бенг? – первым оказался около брата младший принц. – Что случилось?

– Вообще-то положено говорить «добрый вечер» и «как я рад тебя видеть», – строго сообщил его третье высочество, обвел прибывших взглядом и добавил: – Рад видеть всех вас в полном здравии и невредимости. После ужина жду в кабинете.

Развернулся и ушел, вышагивая независимо, как на светском приеме или балу. Однако у Илли осталось твердое впечатление, что все это показное: и строгость, и походка, и даже гордо вздернутая голова. Что-то сквозило за этим подчеркнутым спокойствием и невозмутимостью: то ли усталость, то ли желание показать, что все обыденно и спокойно и столкнулись они тут, в восточной части земель Кандирда, абсолютно случайно. Что-то зацепилось в мозгу Иллиры за это рассуждение, потянуло вдаль, как ниточка из клубка, помогая почувствовать сердцем то, что не смог понять разум. Не бросают на полдороге свои важные дела и не мчатся с такой скоростью столь занятые, как Бенгальд, люди, чтобы догнать брата, с которым только что расстался, если разговор не идет о жизни и смерти.

Точнее, угрозы смерти. И тут уж ясно, как медный трехгрошовик, что ничья жизнь, кроме как жизнь младшего высочества, не могла быть оценена их величествами и Бенгальдом так дорого. И, стало быть, откопали работники его ведомства нечто, так сильно встревожившее и даже испугавшее их, что их величествами решено было пренебречь чувствами Кандирда, раздавить их, как ядовитую змею, пока не поздно.

Вот и подошло расставание, намного быстрее и неожиданнее, чем она ожидала и рассчитывала. И можно больше не строить планов, а потом играть и притворяться, достаточно всего несколько часов потерпеть, стиснув зубы, а потом будет намного легче и проще… если когда-нибудь будет.

– Не распаковывай пока мои вещи, – бросила Илли служанке, проходя в умывальню, – достань только одно платье… простое, дорожное.

Млата побледнела, видимо девушка тоже как-то связала приезд Бенгальда и свою хозяйку, но Иллира ничего объяснять не стала, незачем. Сначала нужно все выяснить, а только затем прощаться. Как смешно… три дня назад она решала судьбы других людей, а вот сейчас решат ее собственную. Вернее, просто объявят ей решение – ведь не может же быть, что кто-то до сих пор в чем-то сомневается?!

В столовой ее уже ждали Кандирд и баронет, и едва Иллира вошла, принц ринулся к ней. Твердо взял под руку, отвел к окну и заявил непререкаемым тоном:

– Потом ты сможешь думать сколько хочешь… хоть год, хоть два… я понимаю, что не так просто поменять свои убеждения такому целеустремленному человеку, как ты, Илли. Но сейчас не спорь… очень прошу, не спорь и не отказывайся. Возьми вот это.

Илли обмерла, рассматривая лежавший на ладони принца предмет, – да он что, с ума сошел? Да ее завтра же выкрадут, вывезут и запрут в монастыре сестер ночи под чужим именем. Она в панике оглянулась на баронета и обнаружила, что он стоит возле двери, намертво заклинив ножкой дубового стула ручку.

«Все ясно, сговорились. Пресветлые духи, ну и что же ей теперь делать? Ну ладно бы Кандирд сам до такого додумался, он, несмотря на все свое умение колоть и вешать бандитов, человек неискушенный в таких сложных политических интригах, – но этот-то пройдоха чем думал, когда соглашался ему помогать? Почему не отговорил? Не придумал другой выход, не посоветовал отложить решение на завтра? Не сказал нечто, типа, утро вечера мудренее?!»

Ингирд поймал ее взгляд, ободряюще улыбнулся и вдруг сделал рукой быстрое движение, на которое никто другой и внимания бы не обратил, но не Илли. И не только обратила – как можно не заметить такой знакомый жест, – но и возмутилась: что значит «поторопись»?! Он хоть понимает, на что они ее толкают?! А вдруг под влиянием этого браслета ее аура начнет быстрее изменяться – что там Бертина говорила про силу светлых духов?!

– Илли… – свободная рука принца взяла левое запястье сеньориты и притянула к своей груди, – позволь мне его тебе надеть. Я клянусь ни к чему тебя не подталкивать и не принуждать. Это просто мера защиты… я хочу иметь право тебя защищать… прошу, поверь. Когда я уверюсь, что опасность миновала… или пойму, что ты ко мне относишься совершенно равнодушно, я его сниму, даю слово принца. Неужели ты настолько мне не доверяешь?

– Хорошо… – не выдержала девушка не столько убедительности его слов, сколько горькой тревоги взгляда, – но запомни: снимешь по первому слову.

– Я, Кандирд ле Делмаро ди Анстрейг Леодийский, объявляю Иллиру ле Трайд своей законной невестой и обещаю жениться на ней перед ликами пресветлых духов, – скороговоркой пробормотал обрадованный принц и ловко защелкнул на тонком запястье ажурный семейный брачный браслет.

«Что ей стоит снять его самой», – билась на губах девушки едко-печальная усмешка, пока сеньорита не рассмотрела блеснувшей в месте защелки синеватой молнии. «Пресветлые духи, так ведь он магический!» – потрясенно ахнула про себя девушка, возмущенно уставясь в русую макушку нежно целующего ее пальчики принца.

Баронет отсалютовал им и вытащил из ручки ножку стула.

– Что здесь происходит? – ворвался в столовую Бенгальд и, рассмотрев диспозицию, сразу понял, что опоздал.

«Получаешь отставку!» – показал Ингирду на пальцах и так же стремительно вышел.

– Он сказал, – перевела жениху Иллира, – что Ингирд получает отставку.

– Назначаешься моим первым советником, – мгновенно отреагировал Кандирд, махнув заглядывающим в дверь слугам, чтоб подавали ужин. – И давайте поедим. Разговаривать с Бенгом лучше на сытый желудок.

– Можно узнать, что произошло? – В столовую торопливо вошел озадаченный Гарстен. – Его высочество чуть меня не сбил.

– Повышаю тебя в чине, теперь ты полковник и командующий моих войск, отныне тебе подчиняются все гарнизоны моих пределов, – следя, как слуга наливает ему суп, спокойно сообщил принц и, осмотрев притихших друзей, продолжил звездопад: – Седрик, а ты теперь командир личной гвардии. Набери отряд по своему усмотрению. И готовьте указы, я подпишу.

– Жить становится все интереснее, – с сарказмом сообщил Ингирд, но Илли почему-то казалось, что таким тоном он пытается скрыть свое потрясение.

Она и сама была потрясена и молча ела, пытаясь просчитать ситуацию с новой точки зрения. Насколько простирается власть третьего принца в его сфере деятельности, она уже успела понять, и то, что тот Бенг, который играл с ней в шашки, и тот, которого знали подчиненные, так же не похожи, как день и ночь, тоже давно знала. Не могла только представить, какой грани может достичь

наказание, наложенное им от имени их величеств на брата за такое своеволие. О том, что все могут короли, но не принцы, а тем более младшие, известно всем, и вопрос только в том, как сильно разгневается король. А он крут характером, судя по тому, как разделывается с врагами королевства. И ей лучше убедить третьего принца, что согласилась она на предложение Кандирда лишь для того, чтоб успокоить его и не допустить взрыва. Ведь по сути ничего не изменилось и она пока невеста принца только в глазах узкого круга приближенных… которые будут молчать как статуи, если того потребует безопасность их господина.

– Мне нужно отдать одно распоряжение… – встала из-за стола сеньорита секретарь, – это всего минута.

– Скажи Седрику, пусть распорядится, – мгновенно насторожился принц, – или пусть он идет с тобой.

– Пусть идет, – пожала плечами девушка, спорить не было ни желания, ни времени.

Ясно ведь, что теперь ее будут охранять, как редкий артефакт. Вот только вряд ли это продлится долго… так что пусть потешится.

Млату сеньорита Иллира оторвала от еды и, извинившись, попросила прихватить ужин в ее спальню, она будет ждать. Седрика в комнату не пустила, сообщив, что собирается переодеться. Но на самом деле быстро достала письменные принадлежности, написала несколько коротких записок и запечатала.

– Что случилось? – шепотом осведомилась служанка, заявившись с полной корзинкой провизии, и Илли грустно усмехнулась: определенно Млата решила, что госпожа намеревается бежать.

А судя по количеству провианта, намерена последовать за нею.

– Прикажи слугам принести зеркало Бертины, она его мне продала. Пусть повесят вот тут в простенке, мне хочется полюбоваться, обожаю старинные вещи. И сохрани вот эти письма – если у меня появятся срочные дела, передашь их Ингирду. Только ему.

Разумеется, это был риск, баронет предан другу до конца, в этом она убедилась. Однако оставлять письма принцу было бы неправильно, это было как признание в исключительности их отношений, а этого позволить себе нельзя. Если с ней что-то случится, пусть он думает, что Ингу она доверяла больше.

Глава 10

– Можно? – подчеркнуто вежливо спросил Кандирд, входя в собственный кабинет и ведя Илли за ручку, как маленькую.

– Да, – не оглядываясь, процедил Бенгальд, стоящий у окна к ним спиной, и едко добавил: – Ингирд может остаться.

– Останьтесь, сеньор первый советник, – приказал Кандирд, усаживая Илли в кресло для гостей, затем обошел стол и сел на свое законное место. – Мы готовы тебя выслушать.

Седрик, которому остаться не предложили, молча вышел, плотно притворив за собой дверь, но Илли была уверена, что он не обиделся. Он вообще к таким вещам относился спокойно – ну узнает все на час позже и в более краткой форме, что за беда?! Зато сам проследит, чтоб двери охраняли самые надежные охранники, они с Гарстеном еще во время обеда успели поделить воинов и полномочия.

– Поздравляю, – повернулся от окна Бенгальд, рассмотрел их ироническим взглядом, как директор школы – кучку нашкодивших второклассников, и сел напротив Иллиры. – Что вы помните о ваших родителях… сеньорита невеста?!

Илли покосилась на свежеиспеченного советника, подняла взгляд на собеседника, горько ему усмехнулась и сделала легкий взмах изящными пальчиками.

Нужно отдать должное Бенгальду, он пришел в себя намного быстрее, чем Ингирд, и тот с досадой фыркнул, когда бывший начальник ответил на жест сеньориты новым жестом.

Несколько секунд они быстро двигали кистями рук, и в кругу захваченных беседой или смакованием блюд придворных никто бы и внимания не обратил на эти скупые, точные движения, но теперь, в тишине кабинета, под напряженными взглядами всех присутствующих такой немой разговор выглядел очень зловеще.

– А сеньор Тигорел написал в личном деле, что Хингред ле Трайд самовольно бросил службу, не справившись с доверенным ему делом, – заявил вдруг вслух Бенгальд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/chirkova_vera/lovushka-dlya-lichnogo-sekretarya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить